Узлы

Повесть

Глава 1

У НЕЕ ТРИ дочери. Такие бывают зачины в сказках. Но это была не сказка, а тысяча девятьсот семьдесят третий год, она ехала на проржавевшем уазике из роддома в райцентре в зерносовхоз в Кустанайской области. За окнами мелькали остатки целинных степей, взрытые стальными клинками комбайнов, прорастали первые озимые, бороны, крепленные к тракторам, словно жуки, ползали по свежевспаханной земле, от которой шел едва заметный пар.

В одной руке она держала завернутую в детское желтое одеяльце дочь, а в другой узел из платка, где были собранные вещи и два рубля денег.

— Мария, — окликнул ее прораб, который и забрал ее по пути. — Тебя подвезти к самым воротам? Что-то Петр тебя не встречает.

Мужа не было дома. Сени низкие и давящие, и Мария пригнулась, проходя, прижимая к груди дочь, и пытаясь не выронить из рук узелок. В комнате, которая служила кухней, посреди потолка на скрученном проводе висела лампочка. Женщина нажала на черный рычажок круглого пухлого выключателя, и комната осветилась неярким светом. Поставив узелок на стул, она зашла в зал проходных барачных комнат. Кроватку она приготовила еще перед родами, ту самую, из которой выросла Галя, купила несколько пеленок и перестирала детские вещи, оставшиеся от старших дочерей. Где-то внутри крепко засела мысль, что нельзя приносить детские вещи в дом до того, как в нем появится ребенок. Как любая мать, она боялась дурных примет.

Старшая ее дочь ходила в школу, а средняя — в садик.

— Мама, — раздалось от двери звонкое девичье, — вы уже вернулись?

Старшая дочь заканчивала шестой класс, и Мария ею очень гордилась: у нее самой было только четыре класса образования. Платье с глухим воротом под шеей у Лиды было школьное черное, с таким же черным фартуком. Волосы, убранные в два хвостика, были повязаны гофрированными бантиками, купленными Марией в райцентре.

Женщина положила Надюшу в колыбель и, обняв дочь, поцеловала ее.

— Отец где? На элеваторе?

— Видела его на тракторе ехавшим туда. А Гальку теть Зина заберет.

— Вы тут не голодали?

Лида больше всех походила на нее внешне, была зеленоглазой и темноволосой, в отличие от младших дочерей с глазами цвета пепла.

Мария сняла с головы платок и поправила заплетенные корзинкой косы, заколов их шпильками. Косы были толстыми, длинными и тяжелыми, но Мария уже не замечала их веса, всегда держа голову высоко поднятой.

— Я сварила картошку перед школой, но она уже остыла.

— Я разогрею. А ты пока переоденься, нечего форму марать.

На эту форму Лида заработала сама летом на кирпичном заводе. Одежду она берегла, зная, что ее вещи достанутся Гале, а теперь еще и Надюша появилась. Ступая на цыпочках, девушка подошла и заглянула в кроватку. Эта маленькая спеленатая девочка с морщинистым личиком была ее сестрой, новым членом семьи.

Мария достала из-под подушек кастрюлю с картошкой. Весенняя картошка была плохой, кое-где позеленевшей, с глазками, и, остывая, чернела. Достав из буфета чугунную сковороду, женщина поставила ее на огонь, потом бросила на нее ложку свиного жира. Тот быстро стал плавиться, ложка поплыла по дну сковороды, и Мария едва успела ухватить ее за нагревшуюся ручку.

Галю привела домой соседка. Только поставив посреди стола на деревянную дощечку сковородку и рассадив детей, Мария услышала гул подъезжающего трактора.

— Маруська, — щурился Петр, — а вот и я!

С его приходом комната наполнилась запахом бормотухи и нервозностью. Он скинул фуфайку, резиновые сапоги и, дыша на женщину перегаром, полез обниматься.

— Опять нажрался, черт, — ругнулась жена на него.

— Ты, Машка, не конфликтуй. Я трутень, — возразил Петр, косясь на накрытый стол и потирая руки, пропахшие соляркой.

— Дурак ты. Трутней на зиму из улеев выкидывают, а ты всю зиму за столом сидел. Закрой дверь, не выпускай тепло из избы!

— Я-то закрою, ты только мне дочь покажи, — сменил тему мужчина.

— Не смей там шариться с пьяных глаз.

Но Мария не успела задержать мужа, потому что тот уже прошел в комнату. Он остановился около кроватки, долго смотрел на сверток, лежащий в ней, а потом всхлипнул и заплакал. Мария не могла долго сердиться на мужа. Пьяным он бывал дурным, но все же старался, работал. Раз за разом она убеждала себя: пьет он потому, что живет в нем какая-то невысказанная боль или обида, не на нее конкретно, не на их детей, а на жизнь.

Отвернувшись от кроватки и вытерев щеки, Петр обнял жену, а потом поцеловал ее крепко, не разжимая губ.

— Ладно тебе, — попросила женщина, обнимая в ответ. — Иди к столу.

На кухне по-прежнему сидели Лида и Галя, ковыряясь вилками в картошке, и посмотрели на вернувшихся родителей настороженно.

— Что же вы ее пустую едите? Лида, спустись в подпол и достань закрытых обабков.

Самой женщине пока было сложно это сделать. Она намотала шаль вокруг поясницы, чтобы не застудить.

— Марусь, — заговорил елейным голосом муж, — а может... ну, в честь рождения дочки.

— Нельзя мне, я ее еще кормить должна.

— А мне?

— Ладно уж.

Она ушла в спальню и достала спрятанную в шкафу под бельем бутылку водки. По глазам Петра было понятно, как он расстроился, что не нашел ее раньше.

* * *

Надюша росла здоровой, и год спустя, сразу после того как перестала кормить грудью, Мария опять вышла на работу. Работала она ночным сторожем на машинном дворе. Каждый вечер заступала она в смену и уходила в шесть утра, когда первые машины выезжали с территории. Был май, посевная, и бороны возвращались с полей в свежей подсыхающей земле.

— Марусь, — окликнул ее Володя-слесарь в клетчатой рубашке и штанах, заляпанных соляркой. Он отер руки о грязную тряпку, которую сунул в карман, и, сняв кепку, вынул из нее самокрутку. — Здорова!

— И тебе не хворать, — ответила Мария.

— Слышал, тебя к премии назначат, — улыбался Володя, сообщая приятную новость. — Ребятишкам гостинцев купишь. Лидку твою видел недавно, большенькая уже.

— Растут, что с них взять.

Володя чиркнул спичкой и подпалил сигаретку. Он несколько раз глубоко затянулся, пока тлела плотно свернутая бумага на конце са-

мокрутки, потом кашлянул, освобождая легкие от неприятного бумажного дыма, и довольно прищурился, почувствовав сигаретный.

— Володька, кончай лясы точить! — крикнул ему Мурат, выпрыгнув из кабины ЗИЛа. — Мне машину нужно загонять на эстакаду.

— Ладно, Марусь, ты ведь устала после смены. Потом поговорим.

Володя еще раз быстро окинул взглядом лицо Марии, ее зеленые глаза и черные брови, ее длинные косы с завитками на концах, и, сделав несколько затяжек, затушил и бросил окурок в урну, рядом с ящиком с песком.

Идти Марии было около получаса, но она редко ходила пешком, чаще всего ее подвозил кто-нибудь из шоферов. Сейчас она ехала с Митькой, подобравшим ее на полпути к совхозу. Вдали, в утренних лучах виднелось кладбище, его ворота были недавно сварены и покрашены голубой краской. Самих могил не было видно из-за растущих среди них берез. Заметив, куда она смотрит, Митька прищурился и заговорил:

— Машка, а ты ведь знаешь дорогу на третье отделение?

— Ну знаю.

— А ты знаешь, что там раньше могилы были?

— Какие могилы?

— А такие. Там раньше тоже кладбище было, старое. Дед Айбар его еще помнит. А потом нагнали туда техники и сравняли кладбище с землей, засыпали могилы и дорогу проложили. Но только могилы были пустые внутри, и земля оседает на их местах.

— Мить, — не выдержала Мария, чувствуя мороз бегущий по позвоночнику, — ты к чему все это?

— А к тому, что случай недавно был. Ехали две телеги с переселенцами в новые дома, и на одну из таких могил колеса и наехали. И в этот момент стена перед ними белая появилась.

— Прям стена?

— Верь — нет, а стена. Белая. Как густой туман. И лошади замерли, как вкопанные. А Люди в телегах сидят, никто не решается встать и посмотреть, что это. Так и сидели они не знаю сколько. А потом стена стала рассеиваться, и лошади сами пошли снова.

— Да ну тебя, брехло. Тормози! — крикнула женщина. — С твоими байками саму на мазарки свезут.

— Зря не веришь. Всякое бывает.

Мария не стала его больше слушать и пошла к своему дому. Свет в кухне горел, видимо, Лида уже проснулась. Когда Мария вошла в коридор, она услышала разговор дочки и мужа.

— Лидка, ты же знаешь, где она ее хранит.

— Знаю, но не скажу, — отрезала девушка. — Мам, — увидела она ее на пороге, — хорошо, что ты пришла, мне нужно собираться в школу.

— А я ухожу, — буркнул Петр и, нахлобучив кепку, пошел в сени.

Мария заглянула в кроватку Надюши. Скоро девочка проснется, и ее надо будет кормить. Лида уже сварила жидкую манную кашу, которая сейчас остывала на столе.

— Он у тебя опять выпить просил? — спросила женщина, чувствуя усталость. После того, как дочки уйдут в школу, она сможет поспать несколько часов.

— Просил.

— И ведь наверняка опять курам не насыпал. Ты пока буди Галю, а я схожу на задний двор.

Мария прошла по тропинке среди нескошенной травы. Двор уже прилично зарос, и надо бы сгрести и поджечь прошлогодние листья. На заднем дворе на нее налетели куры, кудахча на распев, петух подзывал кур, разгребая когтистыми лапами землю.

— Оголодали, — пошутила Мария и, зайдя в пристройку, открыла ларь, зачерпнула оттуда дробленки, потом налила в миску несколько пригоршней дождевой воды из металлической проржавевшей емкости и сделала мешанку. Высыпав корм курам, Мария зашла в сарай и заглянула в гнезда, собирая яйца и складывая их в подол. Яиц набралось с десяток, а значит, можно будет их сдать. Навстречу ей из стайки вышла курица, которая, развесив крылья до земли, квохтала.

— Ты что, дуреха, уже высиживать собралась. Рано еще, подожди недели две. А не успокоишься, я тебя искупаю.

Женщина зашла в дом и, выдвинув из-под стола ведро, сняла сверху марлю и стала осторожно укладывать в него красные и белые яйца. Они были разного размера, и совсем мелкие с тонкими скорлупками, от молодых несушек, Мария отложила на стол: будут на жарку.

— Мам, мы готовы, — сказала Лида.

Она и сестра были одеты в школьную форму и коричневые безразмерные колготки, на ногах были сандалии, которые переходили по наследству. Девочки держали на вытянутых руках чернильницы-непроливайки, зажимая отверстия в них пальцами.

— Лид, у тебя сегодня экзамен?

— Да, — ответила Лида. Каждый год в мае она боялась экзаменов, боялась, что не сдаст и останется на второй год.

Мария налила манной каши в бутылочку, но та не бежала через соску, потому что немного загустела. Отрезав кончик соски ножницами, женщина взяла дочь на руки и покормила ее.

Сегодня надо было сходить в аульный магазин и сдать яйца. Дождавшись, когда дочери вернуться из школы, она взяла ведро и пошла по пыльной дороге.

Жили они на улице Аульная, в разговоре называемой просто: Аул. Там же был магазин, куда местным жителям можно было сдавать мясо, яйца, травы.

— Здравствуй, Гуля, — поприветствовала Мария продавщицу. Девушка-казашка с косами до пояса улыбнулась и подняла прилавок.

— С чем сегодня? — уточнила она.

— С яйцами.

— Это хорошо. Они у тебя вкусные. Холостячки из приезжих разбирают на ура.

Гуля поправила косынку, завязанную сзади, чтобы не сползала на глаза, и, забрав ведро, склонилась к нему. Она осторожно доставала яйца, поочередно поднося к уху и тряся, проверяя, не болтается ли, укладывала их в специальные бумажные контейнеры.

— Они свежие. Вчера и сегодня докладывала.

— Ну, Маш, как обычно.

Пока Мария думала, что бы взять сегодня дочкам из сладкого, в магазин зашли рабочие.

— Сәлеметсіз бе, қыздар![1] — радостно поздоровался один из них. — Бикеш[2], дай спичек, өтінемін[3].

Мират говорил такой смесью казахского и русского языка. Он родился в этом поселке в семье казахов и был на десять лет старше Марии, имел всего три класса образования. В русской школе его учили говорить по-русски, читать и писать. Русский он отлично понимал, и даже ругался на нем чудесно, говоря, что Бог его не поймет, а, значит, не накажет.

— Сялем, — ответила Мария, это было тем немногим, что она знала сама.

— Джигит, — похвалила его Гуля. Мират выступал на всех праздниках, показывая, как он отлично держится в седле. Даже спустя месяц после Наурыза, девушки засматривались на него и шептались.

— Скоро мы свиделись, — раздалось за спиной Марии. Голос был таким знакомым, и это странно взволновало.

— Добрый, Володя. За конфетами для подружек пришел?

— Нет, это у нас Мират атастыру устраивает, а я однолюб.

Услышав про сватовство, Гуля одернула красную бархатную жилетку, надетую поверх простого платья, и прищурила черные глаза.

— Айгуль, рақмет[4], — Мират забрал спички, недовольно покосившись на друга.

— Рахмет, — повторил Володя. Еще раз посмотрев на Марию, мужчины вышли из магазина.

— Маш, а он-то как на тебя глядит.

— Ты о чем? — не поняла та. — Посчитай мне это.

Сладости Мария сложила в ведро и понесла его обратно. Лида и Галя знали, зачем уходила мать, поэтому выходили ее встречать к дороге. Иногда Марии было тоскливо, что ее девочки одевались хуже, чем дочери секретаря сельсовета, зато у них всегда было, что поесть. На запах ватрушек с творогом обычно приходили все друзья девочек. Посыпанные сахаром и румяные, Мария доставала их из круглой печи.

— Держите, — сказала она, передавая девочкам ведро. — Отец уехал на охоту?

— Да, только что.

Петр охотился постоянно на уток или зайцев, потому что ничего крупнее в редких лесах степной полосы не водилось.

Из дома соседей доносился плач и ругань.

— Изверг, — причитала женщина. — Скотина голодует, хоть сам в кормушки ложись, а он...

— Зинк, ты чего бунтуешь?

Мария увидела, что Зина выкатила тележку, на которой лежал мешок, полный отходов.

— Сын привез, говорит, на, мам, корми корову. А этот сухарь, заставил отвозить обратно. Говорит, не нужно нам чужого.

— Куда отвозить-то?

— На базу.

Прохору доходил седьмой десяток. Он сидел на табуретке, держа в руке толстую палку и ударяя ей по полу, говорил:

— Казенное добро! У, вырастил крохобора. Ведь ворованное же, точно ворованное. Ну, только попадись ты мне, так вицей всыплю, мало не покажется.

Мария знала, что во время Гражданской войны он воевал на стороне красных, во время Оте-

---

[1] Здравствуйте, девушки! *(пер. с каз. яз.)*

[2] Вежливое обращение к девушке

[3] Пожалуйста *(пер. с каз. яз.)*

[4] Спасибо *(пер. с каз. яз.)*

чественной был в Советской армии. Зина была младше его на двадцать лет.

— Почему, — спрашивала она, — ты не можешь взять лишний мешок себе?

Жили они в низкой мазанке, у них была одна корова, которая часто голодно мычала.

До вечернего табуна оставалось пара часов, и за это время надо было успеть полить огород.

Девочки, зная свои обязанности, уже взяли лейки и, черпая воду из баков, носили их к грядкам, пока Мария качала ручку колонки во дворе. Грунтовая вода в поселке была глубоко, колодцы рыли до двадцати метров, поэтому и приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы ее выкачать.

Мария работала сутки через двое, и сегодня у нее был выходной. Она и дочери вечером сидели в зале. Лида и Галя готовили уроки, Надюша играла, а сама Мария пряла.

— Надо будет сходить к маме за шерстью, — размышляла женщина. — Лето такое короткое, не заметишь, как пролетит, а носки и варежки теплые нужны уже с октября.

— Чесслово тебе говорю, — заспорила Галя. — Такой синий, а в нем люди движутся.

— Вы это о чем?

— Да Галька рассказывает, что у Сковородкиных телевизор видела, — объяснила Лида, выписывая перьевой ручкой в тетради цифры. Она не любила алгебру и геометрию, и поэтому легко отвлекалась от выполнения работы.

— Ты зачем опять к ним ходила? Неровня мы им! — посерьезнела Мария.

— Ма, но мне же было интересно. Вот бы у нас такой был, — размечталась девочка, теребя учебник для чтения.

— Еще раз ослушаешься, выпорю и на горох коленями поставлю. Поняла?

— Поняла, — буркнула девочка, недовольно надувшись.

Мария никогда особо не наказывала дочерей. Могла взять хворостину и стегануть пару раз через одежду пониже спины, но и этого было достаточно.

— Дописывай и иди встречать корову. И не смотри на чужое добро. Свое надо иметь и радоваться этому.

— А можно мы патефон послушаем?

— Можно.

Патефон стоял в зале, накрытый вязанной крючком салфеткой. Каждый раз, вытирая пыль, начинали с него. Сложив салфетку вчетверо, Лида положила ее рядом и открыла крышку патефона. Из тумбочки она достала несколько пластинок, выбрала одну и, установив ее, нажала пуск. Пластинка завращалась. Девушка пристроила бегунок на самый край пластинки, после треска послышалась мелодия «Песенки Золушки».

— Скрипит, — заметила девушка.

— Иголку чистить надо. Вот вернется отец, покажешь ему.

Коровы возвращались с пастбища с выменами, полными молока.

— Стой, Зорька, — оглаживала ее по боку женщина. Корова у них старая, спокойная.

Пока Мария мыла вымя и сцеживала первое молоко в ведро, ее дочери стояли рядом с кружками. Взяв кружку у Лиды, женщина надоила в нее молоко, вернула ее дочери, тоже проделала и с Галиной кружкой. Парное молоко немного пенилось, было теплым и сладким. Девочки его пили, зажмурившись. Закончив дойку, женщина плеснула молока из ведра в глубокую миску, которая стояла во дворе под забором, на столбиках которого уже ожидали ужина коты, свои и чужие. Только женщина отошла, чтобы налить молока и собаке, звонко тявкавшей и рвущейся с цепи, подпрыгивающей почти на метр от земли, как коты обступили миску, нервно подрагивая хвостами.

Работу на сегодня можно было считать законченной. Осталось только процедить молоко, спустить банку в подвал.

Остаток вечера Мария пряла. Галя играла с Надюшей. Лида ушла гулять с друзьями. Муж был на охоте. Этот день ничем не отличался от сотен других, но Мария этого не замечала, она не знала, что может быть по-другому.

Глава 2

В ИЮНЕ, ОКОНЧИВ восьмой класс, Лида впервые заговорила о поступлении в училище.

— Зачем тебе это? Заканчивай все десять, — не понимала ее намерений Мария.

Она и Лида перебирали землянику, собранную сегодня днем в лесу. Они сидели на верандочке, перед ними была глубокая эмалированная чашка, у каждой на коленях стояло по небольшому лукошку. Запах спелой земляники распространился на весь дом.

— Ягода сорная. Галька рвать совсем не умеет, — заметила девушка. — Мам, это же лучше будет. Я буду получать стипендию, через три года уже пойду работать. Вам же легче. Одним ртом меньше.

— Думаешь, мы вас не поднимем? Нас мать и отец растили в сороковые, война была тогда, ведь выросли не хуже других. А сейчас что? Мир! И есть ни к кому не ходим. Подачек не просим. Или ты в город захотела? Там же твой Колька учится.

Девушка смутилась и отвела взгляд. С Колей они были знакомы с детства, как иначе, жили же на одной улице. Он был старше Лиды на два года, в этом году закончил десятый класс и поступил в техникум.

— Задружила! Не поедешь, — отрезала Мария. — Нечего тебе делать в том городе, так далёко от дома.

— Мам, — встала девушка. — Я уже взрослая. В мои годы люди целину ехали поднимать за тысячи километров, а ты говоришь, что час езды на автобусе до райцентра далеко.

— Все равно не поедешь. Я тебе денег не дам.

— Так я сама их заработаю!

Лида поставила корзинку на пол и пошла к калитке. То, как громко щелкнула щеколда, доказало, что дочь настроена серьезно.

— Во взбеленилась, — расстроилась женщина. — Куда понесло ее?

Лида пришла к недавно отстроенному зданию, где теперь были ателье и парикмахерская.

— Лид, ты что здесь делаешь? Я думала, вы по ягоды ездили.

Ее появление удивило невысокую полную девушку, одноклассницу, которая убирала в Доме быта в целях скопить себе денег на новый учебный год.

— Ездили. Слушай, Кать, ты же можешь стричь?

— Могу.

— Тогда подстриги меня, — попросила Лида. — Тут у тебя всяких ножниц полно.

Катя боязливо взглянула на Лидины косы, висящие по бокам ее груди.

— А тебе не жалко? Такие волосы.

Девушка всегда завидовала волосам Лиды, густым и длинным, потому что у самой Кати волосы были редкие, и она была вынуждена стричься под мальчика, чтобы не смешить окружающих своими тонкими косичками.

— Я их терпеть не могу. Это мама всегда заставляла нас их заплетать.

Катя пожала плечами, усадила Лиду в кресло, накрыла ее простыней. Два раза щелкнули ножницы, и косы остались в руке у Кати, а голова Лиды неожиданно стала удивительно легкой.

* * *

Время подходило к десяти, начинало темнеть, а Лиды все еще не было дома. Она и раньше возвращалась поздно, но сегодня у Марии было неспокойно на душе. Почему дочь взбунтовалась? Что ей не хватает?

— Нужен ей этот сопляк, — думала она.

Девочки, шумевшие в кухне, притихли, когда хлопнула входная дверь.

— Вернулась?

Мария вышла из комнаты и остолбенела. У Лиды на голове была косынка, а из-под нее виднелась челка, доходившая до середины лба.

— Ой, что сейчас будет, — всхлипнула Галя.

Лида сняла платок, показывая новую стрижку по уши, и заметив, что мать двинулась к ней, резко выскочила за порог. Схватив по пути первую попавшуюся палку, Мария гнала дочь по улице, пока дыхание не перехватило.

— Ты все равно вернешься, — крикнула ей вслед женщина.

— Вернусь, когда ты успокоишься, — решила Лида и пошла к кладбищу. Не дойдя несколько сотен метров, она свернула к деревьям, обошла холм и, осмотревшись, залезла в нору у его основания.

— Стой! Кто идет? — пискляво спросил Сашка. Мальчик схватился за игрушечное ружье, сбитое из нескольких деревянных реек.

— Свои. А Коля где?

— Дома. Вот починит велик и приедет.

Сашка был младшим братом Коли и ровесником Гали. Как и бывает в этом возрасте, он все время увязывался за старшими. Лида села на скамейку и стала ждать.

Эту землянку они вырыли в прошлом году. Десять человек работали несколько недель. Вывозили землю на тележках и бросали в ближайший овраг. Комната получилась небольшой, всего два на три метра и полтора в высоту, но даже здесь с легкостью умещались все десять человек, вся их банда, да Сашка в придачу. В землянку опустили лавку, столик и аккумулятор, к которому Коля приделал провод с лампочкой. Лампочка была слабая, всего на двадцать ватт, но даже ее яркости хватало, чтобы ребята видели друг друга. Потом сверху на яму положили доски, присыпали их землей и обложили дерном. Лаз сделали сбоку. После того как перезимовала, землянка стала незаметна, просто небольшой холм, которых было много вокруг.

— Опять дождь собирается. Когда же он уже прекратится, окаянный, — услышала Лида гром. — Тучи позли, пока я шла.

Она опасалась, что Коля не захочет по дождю и грязи ехать в их убежище.

— Нельзя бранить тучи, — перебил ее Сашка, испуганно округлив глаза. — А то тебя святой Илья молнией ударит. Он тучи гонит по небу.

— Это кто тебе такое сказал?

— Дед Саша. Он все знает.

Сашку назвали в честь него. Сами они были белорусы, приехавшие в Казахстан по непонятной причине. Коля о ней не рассказывал, но однажды поделился с Лидой, что прапрадед его был офицером царской армии и имел высокий чин. Сейчас это тщательно скрывалось, как и то, что где-то у этой семьи в Полесье было разграбленное имение и фамильное кладбище. Лида тогда дала честное слово, что никому ничего не расскажет.

Страх перед громом и молнией у белорусов передается по наследству. В совхозе теперь все дома были кирпичные, и никто не боялся того, что дом сгорит, если в него попадет молния. То ли дело, когда хата деревянная и сгорает дотла за считанные минуты.

Снаружи послышался топот, а потом Коля спрыгнул внутрь.

— Лидочка, ты здесь уже?

Парень был среднего роста, по-юношески худощав. Кожа его была смуглой из-за никогда не сходившего с нее загара, летом из-за купания, когда они дневали на речке, а зимой из-за рыбалки, когда свет, отражаясь от белого льда и снега, падал на лицо.

— Здесь, тебя жду!

— Малой, иди домой, поздно уже. Можешь взять мой велосипед.

Сашка обрадовался такому повороту и, забравшись по висячей лестнице, скрылся в отверстии. Коля прищурился, пока его глаза привыкали к тусклому свету, а потом удивленно спросил:

— Что с твоими волосами?

— Обрезала. Надоели. Тебе не нравится?

Коля сжал пальцами короткую прядку на макушке, склонился, чтобы внимательнее рассмотреть.

— Нравится. Но тебя мать не убьет?

— Пусть сначала догонит.

Коля сел рядом и взял Лиду за прохладную руку.

— Не пускает? — спросил он.

— Нет.

— Может, это и правильно. Я закончил школу, ты тоже должна. А когда ты приедешь учиться, у меня уже будут корочки, и я пойду работать. Скорее всего, комнату в семейном общежитии получу.

— Это же еще целых два года ждать, — вздохнула девушка. Она чувствовала себя виноватой за то, что рушит их планы. Но, с другой стороны, вместе они жить все равно не смогут, потому что их никто сейчас не распишет, ведь Лида несовершеннолетняя.

Они поговорили еще недолго, до тех пор, пока снаружи не стали слышны голоса. Первым спрыгнул Егор. Он и задумал эту землянку, наслушавшись от отца историй про партизан, а потом стащив в библиотеке книгу по истории Руси с картинками.

— Чего сидите? Идем на танцы. Там сегодня центральные будут, поучить их надо.

Центральными звали всех, кто не жил на улице Аульная. А так как она была самая длинная с несколькими ответвлениями, то половина населения поселка жила на ней. По мере того как они шли по дороге, иногда громко свистя, к ним из своих домов выходили парни и девушки. К моменту, когда они пересекали невидимую границу с центром, их собиралось человек пятьдесят. Эта толпа подходила к клубу, останавливалась, внимательно осматривала территорию. Центральные приходили по двое или трое, и, конечно, никто не решался подходить или тем более враждовать с кем-то из аульных, потому что те били скопом, дружные не только в радости, но и в горе.

Несколько лет назад было закончено строительство нового клуба. В отличие от старого, обычного сельского дома, здесь все было сделано для того, чтобы проводить праздники и показывать кино. Перед огромным по деревенским меркам зданием, была заасфальтированная площадка, где днем по выходным дети рисовали мелом или катались на велосипедах, а вечером гуляли взрослые. Клуб был трехэтажным, и высокие под девять метров стены, с лицевой стороны вымощенные разноцветной мозаикой, с изображением советской молодежи, которая не только трудится на полях, но и участвует в самодеятельности. Новый клуб стоял отдельно от всех зданий, сзади него был парк, напротив магазины и кулинария.

Так как к реке начинался склон, строители, чтобы залить фундамент, сделали его выше уровня земли. Со стороны поселка к дому культуры можно было подойти свободно, а если смо-

треть с последней улицы на берегу, то был виден фундамент в метр, а потом чистая стена. От этого у старожилов до сих пор захватывало дух. Они ходили посмотреть на десять метров бетона, стремящегося вверх и загораживающего солнце в самый ясный день.

Внутри был холл, который вел к лестнице на второй этаж, в длинную комнату, где проходили танцы, и зал, со сценой и креслами, а также над сценой располагался белый экран, где показывали фильмы.

— Лидка, это правда, что тебя из комсомола исключили? — неожиданно подошла одноклассница из центральных, ядовито лыбясь.

— Я сама ушла, — ответила Лида.

Девушка наклонилась, словно хотела шепнуть подружке что-то, и прошипела:

— Правильно. Нечего тебе делать в комсомоле. Ходишь как замарашка, три года в одном платье. С таким отцом пьяницей, давно в картошке ночевала?

— Сучка, — закричала Лида, и если бы ее не схватил рядом стоящий Коля, она бы точно вцепилась в нее.

* * *

Мария поправила невидимки, которые держали косы, и, разгладив воротничок на платье, застегнула верхнюю пуговку под шеей. Платок был большим с бахромой и цветами, свернутый вдвое треугольником. Накинув его на плечи, женщина вышла из дома и направилась в сторону центра. По пути ей встретилась соседка.

— Здоров, Марусь. Куда идешь?

— Иду поплакать.

— Я тоже, — улыбалась пышнощекая Тамара.

Женщины обсуждали последние сельские новости, так и незаметно пришли в старый клуб. Народу собралось много, как обычно. Кто-то из ближних домов шел даже со своими стульями. Около клуба стоял уазик с нарисованной на боку катушкой пленки.

— А кино-то про любовь? — спрашивали друг друга девушки, хихикая и строя глазки.

— Про любовь, — отвечал им механик.

На плакате, который он с утра повесил на деревянную доску перед клубом, было написано под названием фильма: «Детям до 16 лет запрещается». Это так взволновало взрослое население села.

Одна стена клуба была разобрана уже давно, так как он не вмещал всех желающих посмотреть фильмы.

Когда достаточно стемнело, на экран внутри клуба был наведен луч кинопроектора, самые везучие уселись в зале, остальные же сидели на принесенных лавках, табуретках под открытым небом. Заметив, что экран засветился, и на нем появилось изображение, Егор свистнул своим приятелям, и те ловко забрались на ближайшие деревья, посвешивались с веток и с любопытством уставились на экран.

— А ну кыш отсюда! — строго прикрикнула на них какая-то старушка. Егорка ей в ответ показал язык. — Ой, попадешься ты мне!

Парни не боялись ее угроз, потому что старушка все равно плохо видела и не могла отличить одного парня от другого с такого расстояния.

Ругая современные нравы и распущенность, она зашла в клуб, и, заметив ее, молодой мужчина уступил ей место в третьем ряду, а сам сел на ступеньку.

На экране был завершен пятисекундный отсчет, и пошли титры: «Найя Сансар» представляет. Фильм режиссера...».

— Марусь, а ты знаешь, что скоро к нам тоже «Зиту и Гиту» привезут, — громко шептала Тамара.

— Скорее бы. Говорят, в Москве ее уже показывают.

Женщины пошептались и опять устремили внимание к экрану. С первых же минут присутствующие полезли доставать платочки. На экране злобная мачеха обижала прекрасную и покорную падчерицу, замотанную в яркое сари. Мария смотрела на это, затаив дыхание. Она ловила и запоминала каждое движение героев, каждое слово. Конечно, очень скоро появился прекрасный юноша, который сразу полюбил героиню и спел ей о своей любви красивую песню. Девушка подхватила его песню и, танцуя, они кружились на экране. И вот настал момент, когда все остальные исчезли, герои остались только вдвоем и страстно поцеловались. Все в зале затаили дыхание, глядя на это, и даже мальчишки, сидящие на деревьях удивленно пооткрывали рты. В этот момент появилась мачеха и, схватив девушку за руку, потащила ее за собой, а парня схватили полицейские и бросили в тюрьму. Продажные, они хотели убить бедного юношу. Мария закрыла лицо руками, когда по залу стали раздаваться удары, похожие на бой в барабан.

— Какие они подлые, — живо сопереживала Тамара, вцепившись в подлокотник кресла.

Меж тем героиня плакала и пела песню о своей несчастной любви. Юноша, конечно,

спасся, и стал носить к дому девушки каждый день красные цветы в знак любви. Однажды он принес белые в знак печали, и девушка порезала ножом руку, чтобы окрасить их в красный, и бросила возлюбленному через забор. В конце, мачеха была наказана и посажена под замок вернувшимся отцом девушки, которого считали погибшим. Влюбленные воссоединились. А как могло быть иначе? Добро должно побеждать.

С просмотра все выходили с опухшими глазами и покрасневшими носами. Медленно брели домой, полные впечатлений оттого, что подсмотрели чужую, такую непохожую на их жизнь.

— Маша, — позвал Володя.

Мария и не заметила, что он был в клубе, хотя это было неудивительно, потеряться в такой толпе. А вот ее увидел сразу, еще когда она нарядная и серьезная заходила в зал.

— Я пойду. Мне еще Пашку на смену собирать, — сообщила Тамара и быстро удалилась, как-то странно поглядывая на Володю.

— Тебе фильм понравился? — спросил Володя.

— Понравился, — ответила Мария.

— Интересно у них там люди живут. И одежда, и дома, но все не такое, как у нас.

Они шли по темным улицам, подсвеченным только окошками домов. Незаметно для Марии, Володя ее провожал домой.

— И розы у них, как в стихах. А тебе нравятся розы?

— Не знаю. Не думала об этом.

Мария не хотела признаваться, но таких роз она не видела ни разу. У них было много полевых цветов, разных, пестрых, а розы росли только дикие, розовые и не пышные.

В окошках ее дома горел свет. Они остановились перед забором, сошли с дороги в траву. Роем поднялась мошка, и запищали комары. Летом в деревне ночью особо не постоишь.

— Я пойду. Спасибо, что проводил.

— Тебе завтра в ночь? Я тоже пойду.

В доме ниже по улице хлопнула калитка, залаяла собака.

Мария зашла домой. Надюша уже спала, а старшие дочери сидели с книжками. Мария не сомневалась, что взяли они эти книжки, когда услышали, как открывается дверь.

— Огород полили? А уток загнали под навес в летник?

— Да, мам, — хором ответили девочки.

— Так ложитесь, только ноги помойте перед сном.

В кухне стучали чайником, тазиком, переговаривались. Мария все вспоминала фильм, потом то, как разговаривала с Володей. Раздевшись до сорочки, она легла в постель и, глядя на кроватку дочери, стала медленно переноситься в прошлое.

Отца своего она не помнила, он погиб на фронте, когда Маше было семь лет. Ее мать, красивая и властная женщина, вскоре вышла замуж еще раз, но второй муж рано умер, сказались ранения. Третий муж у нее был штатский, лесник. Он им и помог поднять хозяйство, отремонтировать дом, поставить новый забор, завести скотину. Сколько себя помнила, Машу готовили быть хорошей хозяйкой. Ее мать не умела писать, читала очень плохо. В сорок втором году Маша пошла в первый класс, проучилась четыре года и бросила школу. Основные навыки у нее уже были. Читать и писать она могла, но тогда Марфа осталась без мужа и с тремя малолетними детьми на руках. Есть было нечего. Спасло то, что жили они на реке. У Маши было два старших брата, Миша и Костя. Они делали закидушки, рыболовные морды, копали червей и каждый день ходили удить. Машу тоже брали с собой, давали ей удочку и просили кричать, если поплавок утонет, или его потащит в сторону. Сомов ловили до метра длиной. Держа огромную рыбину за жабры, Маша бежала домой, а хвост сома мотался по земле.

В школе чернил не было. Чаще всего разводили в воде обычную сажу, иногда варили густой свекольный отвар. Буквы получались красивые, розовые, а на следующий день отвар прокисал, становился бурым и зловонным.

В девятнадцать лет Мария села на поезд и уехала из своей деревни под Львовом навсегда. На новом месте она работала в совхозе, участвовала в посевных и сборах урожая, там же и познакомилась с Петром. Человек он был веселый и компанейский, держал слово, и, сказав однажды: «Марусь, я к тебе свататься приду», — пришел.

За свадебным столом Мария сидела в своем единственном парадно-выходном платье. Ей было уже двадцать лет, в это время пора было выходить замуж, она и вышла. Жить они сразу начали отдельно, в новом построенном доме. Через два года родилась Лида, завели хозяйство, вроде ни в чем не нуждались, но Мария стала замечать, что Петр стал чаще приходить домой выпивши. Она не уследила за ним, потому что родилась вторая дочь, а когда поняла, что ее муж стал выпивохой, было поздно. Пьяный,

он хватался за ружье, кричал и громил дом. В деревне расчет за услугу был один — поллитровка, а в услугах шофера всегда нуждались. Мария просила не наливать ее мужу, просила Петра не брать расчет, но все было напрасно. А недавно открылся Сельский совет и ЗАГС, и детям стали выписывать свидетельства о рождении. Вот тогда-то и выписали Надюше и Гале на фамилию отца, а Лиде на девичью фамилию Марии, потому что зарегистрировали они брак после рождения Лиды. Было непонятно, почему это так озлобило Петра, только теперь он начал упрекать еще и дочь.

Глава 3

УТРОМ МУЖ возвратился с охоты. Он вернулся с несколькими подстреленными утками, и бросил их тушки на стол. Разделывать птицу было долго, и Мария потратила на это половину дня. Сначала она затопила печь в летней кухне, сняла с нее кружки и поставила на отверстие котел. Когда вода почти закипела, отрубила утиным тушкам головы и положила уток в горячую воду запариться. Перо легко отходило от кожи, только пеньков было предостаточно.

— Петь, неси горелку, — крикнула она. — Надо ошмалить.

Петр принес из гаража горелку, зажег ее, и, держа уток перед ней за лапы, стал подносить к огню, не давая коже обугливаться, но в тоже время сжигая оставшийся пух.

— Ну, как вы жили тут без меня? — спросил он меж делом.

— Хорошо жили. Лидка остриглась.

— Видел. Ты, небось, ей всыпала?

— Поздно уже лупить, — решила Мария и передала еще одну утку, а готовую положила на разделочную доску.

— А ты сама как? Поди гуляла? — как бы в шутку спросил Петр, но женщина почувствовала особые интонации.

— В кино вчера ходила.

— С кем?

— С Тамаркой. Да почти что одна, мы с ней по дороге встретились.

Мария отрезала лапку и кинула ее прыгающему лающему псу. Тот лапку схватил, унес ее в будку, вернулся и опять продолжил попрошайничать, зная, что в моменты, когда хозяин приезжал с охоты, ему всегда перепадали потроха и кости. Поэтому пес провожал и встречал Петра заливистым громким лаем.

— Так быстро съел? — недоверчиво спросила Мария. Пес согласился. — Ладно, держи еще, проглот.

— Мне Мишка сказал, что в честь окончания посевной к нам из города артисты приедут. Надо будет сходить.

— У нас каждый день праздник.

Разделав уток, Мария замочила мясо в слабом растворе уксуса. Уток в их семье не любили ни она, ни дочери. Мясо сильно пахло рыбой, было темное и сухое, не то что у домашней птицы. Но Петр регулярно ездил на охоту, поэтому его добычу все равно приходилось тоже как-то обрабатывать.

— А завтра можно и на рыбалку сходить на мост. Подергать ершиков.

— Угомонись. Тепло уже на дворе, твоя рыба стухнет, кто ее есть будет.

— Ты права, — неожиданно и без споров согласился он. — Тогда пойду на Песчаное, чебаков и лещей натаскаю на сушку.

— Делай что хочешь.

Сказать честно, Мария была очень рада в такие моменты. Когда Петр брался хозяйствовать, он все нес в дом. Только случалось это с ним достаточно редко, тем больше женщина это ценила.

Закончив дела, Мария начала собираться на работу. Детей она оставила на мужа, сама оделась в телогрейку, повязала платок и пошла по дороге на машдвор.

Шоферы уже уезжали со смены, когда Мария зашла в свою каптерку в главном здании. Думая, что, может, сегодня удастся несколько часов поспать, она поправила матрас на нарах. Ее внимание привлекло что-то яркое на столе: граненый стакан с одинокой красной гвоздикой. Не понимая, откуда она могла взяться, Мария наклонилась и понюхала ее. Дверь комнатки не запиралась, потому что брать здесь все равно было нечего, поэтому зайти мог кто угодно. Может, его Катя принесла, девушка-машинистка из кабинета директора? Мария вышла проверить, заперты ли ворота, вернулась к себе, достала лежащую в столе книгу и стала читать. Над кроватью висела слабая лампочка, ее едва хватало, чтобы освещать страницы. Строку за строкой Мария прочитывала стихи из сборника русских стихов о любви. Каждую страницу она читала по полчаса, потому что все время мысли уводили ее в сторону. Она представляла блистательный Петербург, величественную Москву, чужую Францию. А правда ли, что Красная площадь красная? И что за Охотный ряд? Она никогда не уезжала дальше областного центра. Да-

же он ей показался слишком многолюдным и шумным, со снующими легковыми машинами на дорогах. Женщина опять посмотрела на гвоздику. Красная. Как розы в фильме.

* * *

— Куда идете, хлопцы? — приветствовал Колин дед парней, идущих на работу.

— На Машин двор, — смеялись парни.

— Ага, туда!

Шоферы так называли машинный двор — Машин двор.

— Отпирай, Мария, свои пришли! — кричали они.

Женщина отворила металлическую калитку, впуская во двор шоферов. Они пошли к машинам, открыли ворота, и все сразу загудело, засуетилось. Первым всегда выезжали два автобуса, один до райцентра, другой до Кустаная. Автобусы ехали рядом по дороге, а потом разъезжались к разным остановкам. Следующими выходили молоковозы, развозчики хлеба, цистерны с бетоном и грузовики со щебнем. Конечно, пока они все были пустые, и спешили к заводам и пекарням, чтобы к шести утра привезти в магазины свежее молоко и хлеб или отправится на стройку. После их выезда Мария шла домой.

— Маша, хочешь, я тебя подвезу? — предложил Володя.

— А тебе в город не надо разве? У тебя же наряд.

— Так сделаю пятиминутный крюк, ничего страшного.

Мария забралась в кабину самосвала, и они выехали.

— Володька, ты вот в город часто ездишь, скажи, ты бы мог там жить и работать?

— Маш, я тебе не летун какой-нибудь, я и здесь пригожусь.

— Моя Лидка в город хочет, говорит, там возможностей больше. Никак не пойму, каких таких возможностей?

Володя помолчал, и когда Мария уже решила, что он не будет отвечать, тихо сказал:

— Например, можно купить цветов.

— Так зачем же их покупать? Цветов вокруг полно. Вон их сколько на лугу.

— Но на лугу не растут розы, или хотя бы гвоздики.

Володя говорил тихо, его голос заглушался ревом мотора и шумом колес.

— Но... ты?

— Маш, приехали. Доброго дня.

Женщина выбралась из кабины, и Володя, не став ждать даже спасибо, сразу ударил по газу и поехал.

На дороге стояла Тамара с двумя ведрами в руках.

— Тома?

— Не волнуйся, я с полными, — успокоила женщина и перешла дорогу.

Что в доме что-то неладно, Мария поняла с порога.

— Лида? Галя? Есть кто живой?

Услышав ее голос, заплакала Надюша, сидящая в кроватке. Мария взяла дочь на руки и вышла из пустого дома. Почему никого нет? Почему ребенка оставили одного?

— Марусь, слава Богу, — во двор вбежала Зина и, остановившись, согнулась, чтобы отдышаться. — Я уж думала, Надюша без присмотра.

— Что случилось? Где все?

— Ты только не волнуйся, ладно? Лида в больнице.

— Что с ней?

— Сломано ребро.

— Когда? Я этого Кольку выдеру, не посмотрю, что чужой сын. И куда только Петька смотрел?

Мария вернулась в дом, не зная, за что хвататься и куда бежать. Она едва успела посадить Надюшу на стул, наклонив ее на спинку, как Зина сказала:

— Ты ведь ничего не знаешь? Это твой Петр напился и сломал ей ребро.

Голова у женщины пошла кругом, она села на стул и, обняв маленькую Надюшу, впервые за много лет заплакала.

* * *

— Как это случилось? — спросила Мария дочь.

Лида была бледная, зареванная, все, что ниже груди и до самого живота, было туго перебинтовано так, что девушка не могла вдохнуть. Она втягивала воздух маленькими глотками, стараясь дышать животом, но боль все еще не прекращалась.

— Упала на скамейку.

Лида зажмурилась, вспоминая случившееся.

Отец ушел из дома всего на час, и Лида была уверена, что он готовит удочки к завтрашней рыбалке и копает червей.

Отец же вернулся пьяный. Это она поняла сразу, потому что он закричал на весь дом, перепугав Лиду и Надю

— Вон! Вон из моего дома, курвы... Нет от вас спасения!

— Папа, не кричи.

— Ты мне не указывай.

Он замахнулся на Галю.

— Нет!

Лида вцепилась в его руку, но пьяный и дурной Петр толкнул дочь. Не удержав равновесия, она упала на небольшую деревянную скамеечку.

От резкой боли потемнело в глазах, и Лида, откатившись на спину, увидела, как платье на груди справой стороны приподнялось — это выперло сломанное ребро. От ужаса она вдохнула, дальше была такая резкая боль, что девушка потеряла сознание.

Когда Мария с дочерью вернулась домой, Петр сидел на табуретке посреди кухни, опустив голову и уткнувшись лицом в руки. Заметив их, он поднял глаза и посмотрел из-подо лба. Его лицо было опухшим, с заплывшими глазами.

— Уйди, пьяная скотина, — процедила Мария.

— Машенька! Доченька! Простите меня! — заревел он в голос. — Простите.

Он грузно упал на колени и подполз к жене, пытаясь уцепиться за ее юбку.

— Отойди. Где ты только ее берешь?

Петр не ответил, выдавая новую порцию слез и мольбы о прощении.

Лида смотрела на жалкого опустившегося отца с укором и брезгливостью. Ей как никогда сейчас захотелось получить аттестат зрелости и уехать отсюда как можно дальше, туда, где она больше никогда не будет терпеть боль.

Женщина довела дочь до спальни, помогла лечь. Лиде сделали в больнице укол, какой точно, девушка не знала, но ей стало казаться, что на время боль уменьшилась, а может, она просто к ней уже привыкла. И вот сейчас боль начала возвращаться.

— Поспи немного, — Мария поцеловала дочь в лоб. — Он больше сюда не придет.

— И когда ты уже напьешься? — спросила она мужа, садясь за стол. Ведь она не завтракала и не обедала, но есть совершенно не хотелось, в животе все стояло комом. — Чего тебе не хватает?

— Пью потому, что баба мне досталась гулящая.

— Рехнулся? Что мелешь?

— А так и есть. Только я за порог, как ты под ручку с шоферами ходишь. Хоть бы людей постыдилась.

Мария ушам своим не верила.

— Возят они тебя, по кинам водят. Не устраиваю тебя чем? Другого подавай?

— Заткнись, дурак. Не ори! Пусть Лида уснет. И откуда только этого бреда набрался?

— Марусь, — Петр положил ей голову на колени. — Я же брал тебя, потому что любил. Ты ведь какая девка ладная была. Косы по пояс, глаза зеленющие. Таких тут отродясь не водилось. За тобой ведь полсовхоза бегало, а ты мне досталась, опередил я других.

— Получил, но ценить не думал. Все в бутылку смотришь.

— Прости. Это больше не повториться, — в сотый раз пообещал Петр.

— Дочка тебя не простит, — заметила Мария. — И я теперь за нее не прощу. Меня можешь ругать, но их трогать не смей. Они не виноваты, что у них отец алкоголик. И еще, — женщина оттолкнула от себя мужа и встала. Петр смотрел на нее снизу вверх, — клянусь тебе, еще раз придешь пьяный, уснешь, отрублю спящему голову. Возьму топор и отрублю. А потом хоть под суд. Дочерей и мать моя сможет поднять.

И ушла, оставив сидеть мужа на полу кухни.

* * *

С того дня прошел месяц. Лидино ребро срослось, но работать она по-прежнему не могла. Заканчивался июнь, она слонялась, делала работу по дому, ничего тяжелее тарелки не поднимая. До сентября осталось два месяца, и, открывая шкаф, Лида с ужасом думала, что форма может стать ей мала и не налезет. В чем она тогда будет ходить в школу? Да и Галя тянулась вверх, уже донашивала позапрошлогодние Лидины платья и ботинки. Ничего нового, одеть было нечего.

— Лидка, — послышался через открытое окно голос Коли, — выходи.

Лида обмотав ребра платком, вышла за двор.

— Ты как? Все еще не выходишь?

За этот месяц они виделись всего несколько раз. Лида больше не ходила в землянку, потому что не смогла бы в нее спуститься.

— Дома сижу, — пожаловалась девушка.

— Все еще болят?

— Не очень.

— Лид, а мы телевизор купили. Хочешь, приходи смотреть. И сестру приводи. Санька вон от него не отходит вообще, а дед глядит на него и крестится.

— А что он кажет?

— Фильмы, передачи разные. Только ходить никуда не надо, сиди дома и смотри.

Лиду очень взволновал этот рассказ, и они тем временем дошли до дома Коли.

— Заходи. Отец и мать на работе. Чай будешь? Сейчас вскипячу.

Коля усадил Лиду на стул и поставил перед ней пустую чашку. Сам снял чайник, сходил на крыльцо, зачерпнул из фляги ковш воды и налил в чайник.

Лида нечасто бывала у него в гостях. Кухня была чистая и уютная. На столе лежала светлая скатерть, застеленная прозрачной пленкой, стояли сахарница и солонка. Вокруг стола были стулья с удобными спинками. На полу лежал половик. Это было так не похоже на ее собственную кухню, с голым деревянным столом, табуретками с облезлой краской и треснутыми досками на полу. По меркам села семья Коли считалась зажиточной. У его отца был собственный мотоцикл, они держали большое хозяйство и могли себе позволить хорошо одеваться. Неровня они друг другу. Дочь выпивохи и сын прораба.

— Коль, а телевизор-то где?

— Идем.

В зале все было еще лучше. Сервант был заставлен посудой, на окнах висели шторы до пола, а на тумбочке стоял телевизор. На полу напротив него сидел Сашка и не спускал с телевизора глаз. У телевизора был выпуклый экран и деревянные лакированные бока, до половины его покрывала салфетка.

— А что должно быть? — не понимала Лида.

— Сейчас, — Коля воткнул вилку в розетку и раздался тихий гул, после которого экран стал медленно светлеть. Прошло пару минут, прежде чем появилось мутное изображение и звук.

Сашка задрожал от восторга. Лида же не могла понять, что там происходит. Она видела мужчину и женщину, которые о чем-то разговаривали.

— Его вечером хорошо смотреть, когда темно.

На экране появилась рамка.

— Колька, ну не выключай.

— Так перерыв же сейчас будет. Иди лучше погуляй.

— Нет, я тут посижу, подожду, — ответил Сашка.

— Ну сиди, если хочешь, а мы пойдем пить чай. Дед ему одному смотреть не разрешает, боится, что может случиться пожар, и хата сгорит. Лидочка, ты пей чай и сушки бери.

Лиде было так спокойно и хорошо сейчас. Каково это жить, не ожидая, что в любой момент придет пьяный отец?

Коля подошел к ней вплотную и обнял осторожно, держа за плечи и поясницу.

— Лид, я жениться на тебе хочу, но мать ворчит, что я неуч, а в ЗАГС надумал бежать. Но если хочешь, мы уедем. Я работать могу, ты же знаешь. Устроюсь в Кустанае на стройку. Только тебе тоже работать придется, а я не хочу.

— Чего не хочешь? — Лида в ответ обхватила Колю руками за спину, сжав в кулаках рубашку.

— Чтобы ты работала, не хочу. Я сам тебе буду покупать все, что захочешь.

— Фантазер. Это же сколько зарабатывать надо, чтобы покупать все-все.

— Я смогу, вот увидишь.

— Тогда тебе учиться точно надо. В техникуме.

— Я буду.

Коля наклонился к Лидиному лицу и прижался губами к ее губам.

— О, а чего это вы?

Сашка стоял в двух шагах от них, округлив глаза и не моргая.

— Ты чего пришел, а? — Коля отстранился, выглядя недовольным.

— За баранкой, — Сашка схватил баранку и у порога крикнул, — а я маме расскажу, что вы тут делали, — он вытянул губы трубочкой, чмокая воздух.

— Ах ты, поганец, — Коля сделал шаг к брату и тот выбежал за дверь, — догоню, мало не покажется.

Только бежать он за ним не собирался. Он вернулся к сидящей за столом Лиде и взял ее за руку.

* * *

Чувствуя свою вину за случившееся, Петр всячески старался исправиться. Он не пил, колол дрова, косил сено, рыбачил и сушил рыбу и даже снял с жены работу по поливу огорода. В день зарплаты он задержался допоздна. Мария укладывала Надюшу спать. Она хотела верить мужу, что он взялся за ум, но тот столько раз обманывал ее надежды, что сейчас она с опасением ждала, каким он будет, когда откроет дверь. Трактор остановился перед воротами, и Петр загнал его во двор, потом вытащил из кабины коробку и пошел в дом.

— А Лидка уже спит?

Он был трезвый, взволнованный и словно помолодевший, и напомнил Марии того Петра, за которого она выходила замуж.

— Пока нет, но ты сам посмотри.

— Нет, она со мной не разговаривает. На вот, это ей, — он подал жене коробку.

— Доча, смотри, что тебе папка передал.

Лида села на кровати и открыла крышку. Она чуть не заплакала от облегчения: в коробке лежала школьная форма. Она развернула платье и надела его поверх ночнушки. Платье не только застегивалось, но и было даже немного свободным, хватит еще и на следующий год, если носить аккуратно. Еще в коробке лежали два фартука: белый и черный, и белые воротник и манжеты.

— Мам, это же стоит почти всю зарплату, — пораженно шептала Лида.

— Ничего, впервые он потратил деньги с пользой. Лид, ты не серчай на отца долго, ты же знаешь, он не со зла. Это все проклятая водка.

Мария вернулась к мужу, а Лида все еще не верила своему счастью. Она гладила плотную коричневую ткань, мерила фартуки и крутилась перед зеркалом.

— Подошла?

— Подошла, — успокоила женщина.

— А это тебе, — Петр поставил перед Марией на стол маленькую коробочку.

— Что это? — Мария открыла ее и обомлела. — Серьги. Откуда?

— Я работал этот месяц и многих возил в город.

Петр каждый вечер отвозил кого-нибудь, помогал перевозить вещи новоселам, но от водки отказался наотрез. Видя это, многие со словами «на, детишкам на гостинцы», стали давать деньги. Сначала Петру было неудобно брать деньги, как-то со своих плату брать его не учили, но потом он понял, что люди искренне хотят отблагодарить его за помощь.

— Какие красивые. У меня и уши, наверное, заросли.

Уши еще ребенком ей проколола бабушка, тогда и вставила ей свои серебряные серьги. Мария тогда очень их стеснялась, говорила, что все вокруг есть хотят, а она буржуйничает. А после смерти бабушки ей пришлось эти серьги продать.

— Я хочу, чтобы ты надела эти серьги на концерт.

Мария вставила в уши золотые серьги с замком.

— Тебе нравится?

— Очень. Спасибо, — сдержанно ответила она.

— Только у меня больше денег не осталось Гале и Наде на подарки. Ничего, если им в следующий раз куплю?

— Ничего...

Вечером, ложась в кровать, она сняла сережки и, убрав их в коробочку, спрятала в ящик тумбочки. На дне ящика лежала засохшая красная гвоздика. Мария посмотрела на нее, а потом задвинула ящик.

* * *

Когда Мария собиралась закрыть ворота перед началом своей смены, она заметила, что один из шоферов все еще возится с машиной.

— Эй, рабочий день закончился, — напомнила она.

— А мне спешить не к кому, — ответил Володя и показался из-за дверцы кабины.

— Ты что, решил остаться? Учти, ворота запру, не выйдешь потом.

— Все с собой, — он поднял над головой небольшой деревянный ящичек, видимо с едой. — Сегодня заглохла, завели с толкача. Хорошо, что Митька проезжал и на тросе дотянул.

— Ладно, делай что хочешь, а я пойду к себе.

Мария зашла в каптерку и набросила изнутри на дверь крючок. В эту ночь она впервые не спала, не читала, только сидела за столом и смотрела в окно. Володя часто ходил курить, стоял напротив ее окна рядом с ящиком песка и смотрел в звездное небо.

Казалось бы, сделать лишь шаг, только открыть дверь, только позвать, но Мария мешкала. Она смотрела на мужчину в свете уличного фонаря и понимала, что не променяет луговые цветы ни на какие розы, даже красные.

Видимо к утру она все же задремала, потому что вздрогнула, когда в окно ее комнатки постучали.

— Марусь, дай ключ, пришли Митька с Пашкой.

Женщина легко побила себя ладошками по щекам, чтобы проснуться и, взяв со стола ключ, пошла открывать ворота.

— Вы тут всю ночь были? — загоготали парни. — Небось, все машины отремонтировали.

— А как же. Еще и автобусы прихватили.

Мариина смена была закончена. Когда пришла Катя, она поднялась в контору за зарплатой, а потом отправилась домой к детям и мужу.

Сегодня вечером должен был состояться концерт областной самодеятельности. Утром прибыли два автобуса с артистами и инструментами.

— Что за программа будет?

— Я, слышал, петь будут, — переговаривались люди весь день в магазинах и на улицах.

К вечеру семья Петра оделась по парадному. На Лиде и Гале были новые платья, сшитые самой Марией, модели которых девочки увидели в журнале на актрисах кино. Ткань была простая, обычный ситец, но выглядело это так непривычно и оригинально. У платьев не было воротника, прямая линия ворота проходила под самой шеей по ключицам. Впереди платья были закрытыми, а сзади был неглубокий полуовальный вырез. Все это дополнял широкий пояс, застегивающийся сзади на пуговицах. Лида зачесала волосы назад, сбрызнув их сладкой водой, а Гале завязали два хвостика. Мария и Петр тоже оделись в лучшее. А еще Мария надела сережки. Заколотые корзинкой волосы не закрывали уши, и блестящие камешки были хорошо заметны. Вся семья собралась идти в клуб, но сначала надо было занести Надюшу к бабушке Петра.

— Баб Нюр, вы уверены, что не хотите пойти на концерт? — спросила женщина, передавая на руки дочь.

— Какие мне концерты. Я вот лучше с Надюшенькой посижу. Да, моя сладкая?

Девочка засмеялась, показывая два передних зуба.

— Тогда мы пойдем. Придем за ней утром.

— Идите, соколики, отдыхайте. Только работать — тоже не дело.

— Доброй ночи, баб Нюра.

— Доброй.

Глаза у Нюры были уже слабые, но она каждый раз, когда правнучку оставляли, читала ей. Отец ее понимал церковно-славянский, она тоже знала грамоту, но так и не успела освоить «яти» и «еры», которыми были полны книги отца. А сейчас и вовсе их отменили. Теперь «ер» звался твердый знак. Что за чудные перемены случились, малообразованной женщине было не понять. Главное, что ее дочь и внучка при мужьях.

Клуб быстро заполнялся сельчанами. Приходили семьями с детьми и стариками. Марфа с мужем тоже пришли.

— Мам, вы где сели?

— Аккурат по центру зала. Идемте.

Петр посадил Галю на колени, чтобы лучше видно было, остальные сели в кресла.

Народу был полный зал, но новый клуб мог вместить всех пришедших. На сцену вышли парень и девушка и звонкими голосами объявили о начале. Первый номер был танцевальным, на сцене кружились девушки и парни в казахских национальных костюмах, играли на домбре, пели. Дальше пел русский хор. Собственно, самих артистов было не больше двадцати и двое ведущих, но они за кулисами переодевались для других номеров и каждый вышел на сцену по меньшей мере два раза. Марии особенно нравился гопак, как она его называла, когда сцена дрожала от топота, и песни под гитару. Пели о том, как покидали свои дома, как ехали покорять дикие степи, как обретали счастье на новой земле. Эта песня растрогала до слез. Ведь каждый из сидящих в зале, когда-то пережил что-то подобное, знал это по рассказам родителей. Как взрывали твердую землю металлическими плугами, как бросали в нее первые зерна, как проснулась земля от спячки и стала дарить жизнь. А аксакалы вспоминали время, когда юрта стояла посреди степи одна на сотни верст, когда кони паслись, выбивая траву копытом из-под снега, а в косах девушек звенели вплетенные монеты. Теперь все изменилось. Пришли славяне, и гостеприимные казахи приняли их на своей земле, по обычаю предложили путникам пиалу чая. И сейчас они все вместе строили новую страну, новую жизнь. Под последнюю песню на сцену вышли все артисты. Они держались за руки, стоя плечом к плечу. Единым порывом зал встал, аплодируя.

Домой возвращались веселые. Молодежь продолжила песни, играя на баяне. Лида и Коля шли в стороне, держась за руки. Засыпающую Галю нес на плече Петр, прижимая дочь к груди. Казалось, все, чего так долго хотела Мария, сбылось.

* * *

Мария набирала воду в колодце. Женщина вращала за рукоятку деревянный барабан, на который с лязгом наматывалась цепь. Когда ведро показалось из колодца, Мария поставила его на край бревенчатой шахты, открыла флягу и выплеснула воду в нее. Потом повторила так еще два раза. Когда бидон оказался полным, она закрыла его крышкой. Подкатив тележку, он зацепила бидон крючком за ручку и, надавив ногой на тележку рядом с колесами, наклонила ее к себе, повесив на нее бидон.

— Бог помощи, — пожелала ей Тамара.

— Здравствуй Тома.

— Вы вчера всей семьей на концерт ходили, — Тамара бросила ведро в колодец, и барабан завращался, разматывая цепь.

— Ходили. Куда все, туда и мы.

— Я смотрю у тебя серьги новые и платье.

Тамара прищурила свои маленькие, близко посаженные глаза, и надула щеки.

— Хозяин из города привез.

Мария покатила тележку за собой, обходя выбоины на дороге. Ей сегодня было не на смену, и женщина решила, что после полива огорода поучит Лиду шитью, раз та ее об этом просила.

На дворе начало темнеть, когда, достав швейную машинку, мать и дочь устроились за столом.

— Что-то папа сегодня задерживается, — заметила Лида.

— Он собирался помочь кому-то из соседей стайку перекрыть, так и не поняла, кому именно.

Женщина вытащила шпуль из челнока и вручную стала наматывать на нее белую нить. Когда на шпуле образовались несколько слоев нитей, Мария перекусила нить и сказала Лиде вдеть в иглу черную нить, а сама тем временем вставила шпуль обратно в челнок, оставив снаружи только кончик белой нитки.

Для обучения они взяли кусочек ткани, оставшийся обрезок от Лидиного платья. Положив его под иглу, Мария опустила лапку.

— Ложи сюда руку, — объяснила она, и Лида положила руку на ткань так, что указательный и большой палец были под прямым углом друг к другу, а между ними располагалась иголка. Соединив две нити, Мария вытянула их сильнее и убрала к дальнему от них краю. — Крути маховик, только медленно.

Лида стала вращать ручку, и на ткани потянулась дорожка челночного шва. Строчка вышла недлинная, с лица черная, с изнанки белая. Лида погладила ее пальцем.

— Мам, я думаю на «Большевичку» устроиться, когда в техникум поступлю. Говорят, там стоят огромные швейные машины, а одежда к ним едет на вращающейся ленте — конвейере.

— Это как у нас в пекарне, что ли?

— Почти.

Громкий крик и грохот в сенях заставил мать и дочь прервать разговор.

— Так и знал, — орал Петр, — так и знал! То-то этот шоферюга тебя так обихаживал. То в кино водит, а теперь даже ночует с тобой!

— Ты о чем? Ты пил? — Мария не успела выйти, как пьяный муж, оттолкнув ее, бросился к шкафу, где хранил ружье. Так как шкаф был всегда закрыт на ключ, который хранился на шкафу, а руки у Петра тряслись, он выронил ключ.

— Убью падлу!

— Успокойся, — закричала женщина и попыталась забрать у него ключ.

— Пусти, — неожиданно Петр вывернулся и вцепился пальцами в шею Марии. — Мне все люди рассказали. Как видели тебя утром. Вертеп устроили на машдворе, резвились там всю ночь.

— Одумайся, ты что такое несешь? Кто тебе это сказал?

— Томка сказала. Она все видела. Как подвозил! Как провожал!

— Так это она тебе наливала всякий раз, как ты пьяный приходил?

Ручка шкафа больно впивалась в спину, рука давила на шею и хоть не мешала дышать, но оттого, что пережимала артерии, начинало темнеть в глазах.

— Она мне добра хочет.

— Пусти, — прохрипела Мария, чувствуя, как зашумело в ушах. — Пусти.

— Убью, — прорычал Петр.

В этот момент ему на спину обрушился удар. Петр зашатался и упал на колени, отпустив жену, которая сползла следом за ним на пол.

— Мам, ты живая? Мама?

Лида несколько раз потрясла ее за плечи, и женщина открыла глаза. Муж лежал у ее ног без сознания.

— Чем вы его?

— Табуреткой. Галька, помоги мне!

Под руки они оттащили отца к центру комнаты и, принеся из сеней веревку, связали его.

— Поверните его на бок.

Женщина встала и с прямой спиной прошла к зеркалу. На шее уже выступили красные следы от пальцев. Так больше продолжаться не могло. Мария выбежала на улицу и быстрым шагом пошла к дому Тамары. Та, завидев ее из палисадника, попятилась назад, пока не уперлась в стену.

— Ты зачем брешешь? Зачем спаиваешь чужого мужика?

— А что? Я правду сказала. Вся деревня знает, как ты Петьке рога наставляешь. Ославила его. Над ним уже смеются.

— Чего тебе спокойно не живется? Я ведь тебя не трогала.

— Трогала. Еще как тронула. До тебя Петька со мной дружил, а как ты объявилась, так стал за тобой бегать. А тебе, потаскухе, все мало. Мужик дома, а ты еще других привечаешь.

— А тебе мужика разве не досталось? Твоего Пашки тебе мало?

— Мало, — зло выкрикнула Тамара. — Достался кривой и невзрачный тюфяк. Ни обнять, ни решить ничего не может. Всю жизнь за мамину юбку держался и сейчас продолжает. А у вас это семейное. Что бабка твоя, что мать, что ты гулящими были. Нет от вас спасения честным девкам.

— Ну, сука, запомни: я зла не делаю и зло не прощаю. Гореть тебе синим пламенем, — сказала Мария и, развернувшись, пошла к дому.

— Собирайтесь, — сказала она старшим дочерям. — Кончилась у нас жизнь под ружьем и палкой. Свобода начинается.

Глава 4

ДОМ БЫЛ НЕДАЛЕКО от столовой и находился в центре. Мария и Лида несли два узла с добром, которое удалось забрать и унести на себе. Бросив пожитки посреди пустой комнаты, мать и дочь сели на них. Здесь им теперь придется строить жизнь заново.

Дом был совсем не похож на их аульный. Большие зеленые ворота с дверью. Из дырочки на этой двери висела веревочка, и если за нее потянуть, слышался лязг, а потом дверь открывалась вовнутрь. Во дворе росла трава, и ходили коричневые и черные цыплята, на головах которых были шапочки.

В доме были две комнаты и темный коридор. Отапливался «барабаном», который прилегал к стене полукругом и таким же полукругом выпирал с противоположной стороны стены, обшитый металлом от пола до самого потолка. Мария открыла на нем небольшое окошко и достала оттуда чайник.

— Пришлось протопить, — сказала она Лиде. — Сейчас выгребу и хлеб поставлю.

Она взяла совок и стала выгребать золу. Потом вымела колосник гусиным крылышком и поставила туда металлическую форму, до середины заполненную тестом.

В комнату вошла Галя, бросив несколько поленьев у барабана, и зачерпнула из бидона ковшиком воды.

— Куда пьешь сырую воду? Только чайник вскипел.

Галя перевернула ковш вверх донышком и положила его на крышку бидона.

Все сели за стол. По столу ползали маленькие черные мураши.

— Нет от них спасения, — жаловалась Мария дочерям.

— Надо все щели заделать: они из-под пола лезут.

Что было такого ужасного в них, Галя не понимала. Муравьи были совсем маленькие и не кусались. Они сидели под сахарницей и собирали сладкие крупицы. На ее взгляд большую опасность представлял стоящий на подоконнике высокий цветок с круглыми светло-зелеными листьями и розовыми цветочками, собранными в шарики. Если этот цветок потрогать, потом от рук резко пахло. На окне висели короткие шторки — задергашки. Примерно на уровне середины окна были вбиты два гвоздика, к ним и крепилась толстая леска, на которой держалась голубоватая ткань. Выше шторок окно прикрывалось тюлем, сквозь который светило солнце. Им теперь казалось, что было даже слишком светло, а небо такое яркое и голубое.

Женщина поставила перед дочерями тарелки, в которых была тыквенная каша. Она была еще горячая, и от нее шел пар. Каша была желто-оранжевой, в ней виднелись белые зерна риса, а пахла она так, как пахнет осенью огород. Девочки взяли ложки. Каша оказалась вкусной, немного сладкой.

— Нравится? — поинтересовалась Мария, тем временем кормя Надюшу с ложечки.

— Да.

— У нас еще половина тыквы осталась, можем завтра запечь.

— Ма, я пряников хочу, — запросила Галя.

— Забудьте пока о пряниках. И об остальном тоже забудьте. Ваш отец уже всю скотину под нож пустил и деньги просадил. Радуйтесь, что хоть корову отдал.

Спали на кроватях по двое. Вместе на односпальной кровати спали Мария и Надюша, а на соседней Лида и Галя.

Мария на развод подала еще месяц назад, а вчера они подписали бумаги. Она вернула себе девичью фамилию. Когда наутро после ухода жены Петра разбудил Митька, тот почти ничего не помнил. Разминая затекшие руки и ноги, Петр ходил по опустевшему дому, кричал от отчаянья и громил мебель, плакал и клял себя.

А на следующую ночь сгорел дом Тамары и Павла. Огонь занялся на лежащем под сараем стоге сена, распространился на сарай, гараж,

крышу дома. Перекрытия были деревянными, и сгоревшая балка обрушила шиферную крышу внутрь дома.

Перепачканные в саже, на лавке под залитым и кое-где еще вспыхивающим пепелищем, сидели супруги. Среди собравшихся посмотреть на последствия пожара, Тамара увидела зеленые глаза Марии, смотревшие на нее в упор.

— Это ты, — закричала обезумившая от горя Тамара, — ты! Ведьма!

Павел и Никита схватили рвущуюся и тыкающую пальцем в толпу женщину.

— Это она, она! — завыла Тамара.

— Кто?

— Машка! Она пришла поглумиться над нашим горем.

Павел всмотрелся в толпу.

— Нет ее там, успокойся.

— Я знаю, это она, — повторяла рыдающая женщина.

* * *

Два года спустя Лида окончила школу и уехала в город учиться в техникум на оператора АТС.

Галя перешла в пятый класс, а Надюша ходила в садик.

Жизнь стала спокойной и размеренной. Мария продолжала работать на машдворе, Галя присматривала за Надюшей. Они завели небольшое хозяйство: корову, кролей и птицу, засаживали огород. Того, что вырастало, хватало почти до весны. Всю осень они ели свежую капусту, тыквы, кабачки, ближе к февралю переходили полностью на картошку. Мария доила корову, ставила кисляк и отогревала творог, сепарировала молоко и делала сливки, из которых потом сбивала масло. Дочери мазали его на хлеб и сверху поливали вареньем, а потом ели все это с чаем.

В один из таких дней Мария стояла в магазине промтоваров возле прилавка с электроприборами, выбирая розетку. Вчера корпус одной из них треснул посередине под шурупом, и розетка вывалилась в комнату, повиснув на проводах. Это было очень опасно, потому что всё хватающая в руки Надюша уже ее приметила.

— Не знал, что таких берут в электрики, — насмешливо произнес сзади голос.

— Я любитель, — ответила Мария, впрочем, чувствуя себя очень неуверенно. Она не знала, чем отличаются эти розетки, кроме цвета.

— Возьмите вот эту, — предложил мужчина.

Мария пригляделась к собеседнику. Раньше она его не видела. Он был высокий, сильный, кудрявый, слегка обросший и небритый, и приветливо улыбающийся. Угадав ее мысли, мужчина представился: «Леонид», — и протянул руку.

— Мария. Вы не местный?

— Угадали. Я приехал из Новошумного. У вас начинают строить новую поликлинику, буду тянуть проводку.

— Так вы электрик? А что, в Новошумном больше строить нечего?

— Все что можно, уже построил. Не сочтите за наглость, но зачем вам розетка? Муж попросил купить?

— Нет, я сама приняла это решение, — ответила Мария любопытствующему.

— Так если сама, может, помощь нужна. Вы не подумайте, что я навязываюсь, но я в этом действительно разбираюсь, а вы в замешательстве.

— Хорошо, — подумав, заключила женщина, — только учтите, у меня огромная злая собака, и я сразу же спущу ее с цепи.

— Можете подождать меня минутку, — засуетился Леонид, — мне тут срочно понадобилось забежать в продуктовый за Докторской... для собачки.

Что и говорить, Леонид знал свое дело. Он осмотрел розетку, сел рядом с ней на табуретку и спросил.

— Есть крестовая отвертка?

— Не знаю.

Инструменты у Марии были, отвертки там были тоже, но какая из них крестовая, она не знала, поэтому принесла Леониду весь ящик.

— Чайник вскипел, — прислушался мужчина.

Мария отошла к барабану, достать чайник и подбросить еще дров в печку. Когда она вернулась через пятнадцать минут, Леонид уже вкручивал шуруп на розетке в стену.

— Только внутренности пришлось сменить, саму коробку я не трогал.

Он передал Марии остатки прежней розетки и посмотрел на дверь.

— Может, чаю попьете? У меня есть пирог с рыбой.

— С удовольствием, — охотно согласился гость.

Он вместе с другими приехавшими рабочими жил в гостинице. Кормили их в столовой, на стройки возили на автобусе. По выходным и иногда после работы, когда Марии не надо было

на смену, Леонид приходил в гости. Зарплата у него была достойная, тратил он мало, поэтому излишки клал на сберегательную книжку и покупал девочкам гостинцы. Он настелил пол в стойле коровы, обтянул сеткой кроличьи клетки, помог выкопать картошку и починить крышу на веранде. Когда он приходил, в доме все оживлялось, пес уже не лаял, признав его своим, кот прыгал на колени, громко мурча.

— Ты с ним редко видишься? — спросил Леонид Марию о бывшем муже.

Он пил компот из сухофруктов, Мария боковым зрением наблюдала за дочерями, в соседней комнате читающими книжку.

— Раз в полгода, не чаще.

— И неинтересно, как он живет? Все же пятнадцать лет прожили вместе.

— Какой тут интерес. И захотела бы не знать, все равно узнала бы. Люди все друг друга знают и судачат почем зря.

— Ты знаменитая персона.

Когда парни на стройке узнали, что Леонид познакомился с Марией, ему тут же выдали всю ее подноготную. Рассказали они и бабские сплетни, о том, что у Марии плохой глаз, и что она ведьма, что она опаивает и привораживает мужчин. Леонид посмеивался над этими пустыми домыслами и продолжал пить компот. Вряд ли она что-то подмешивала в еду или заговаривала ее, просто Мария очень вкусно готовила. Прожив на сухом пайке и государственных харчах, Леонид с удовольствием поглощал все угощения, что ставили на стол.

На время посевной кампании все в селе переключались на полевые работы. Машины ездили не прекращая, и Мария даже не запирала ворота, потому что многие шоферы оставались на машинном дворе. Работали в две смены: с обеда и до трех утра, и с трех утра и до обеда. Сейчас уже был пятый час, смена Марии почти закончилась, ей оставалось только дождаться дневных рабочих, которые заступали с шести. Она ходила по улице, дышала воздухом с запахом бензина и солярки. Около гаражей слесарь, подсвечивая фонариком, чинил свой «Белорус».

— Ну, как? — спросила Мария, подойдя к большому черному колесу и, не удержавшись, провела пальцем по шине.

— Свечи сдохли. Хорошо, что хоть в поле не заглох. А то пришлось бы толкать до села, — улыбался Митька.

— Радуешься, что не тебе толкать бы пришлось?

— Ага. Слышь, Маш, а ты можешь погазовать? Мне кажется, в нем стучит.

Митя подсадил Марию, и оба залезли в кабину. Митя завел двигатель, трактор загудел, затрясся.

— Как газовать-то? — пыталась перекричать дикий рев Мария.

— Вот так, — показал ей Митя и выпрыгнул из кабины. Он обходил трактор, прислушивался, понимая по звуку, где неполадки. Марии же этот гул казался одним сплошным шумом.

— Глуши мотор, — дал ей отмашку Митька. У Марии все еще шумело в ушах, когда она спустилась из кабины.

— Понял причину? — спросила она.

— Да, — ответил мужчина. — Теперь можно и покурить.

Они встали рядом с ящиком с песком, и Митька закурил папиросу.

— Ты не думай, что я лезу не в свое дело, но к тебе этот приезжий часто захаживает?

— Бывает. А чего ты интересуешься?

— Да так. Он же вроде тоже шофер, у него права есть на перевозку людей, вот его и подключили к посевной.

Леонид водил маленький «ПАЗ», днем развозил обеды, а вечером забирал поварих.

Видя, что Мария молчит, Митя быстро добавил.

— Ты не думай, мне кажется, что он хороший мужик, работящий. Только ладит не со всеми.

— И с кем же он не поладил? А ну говори!

— Володька жаловался на него, говорит, опаздывает он к обеду.

— Пусть Володька лучше заткнется, — зло бросила Мария. — Только жрать бы. А он за день объезжает пять полевых столовых, — последнее уже было о Леониде. Мария сама не поняла, почему ей так хотелось заступиться за Леню. Вроде и знакомы недолго, но Мария была уверена, что Леонид хороший человек. Он так много помогал ей по хозяйству, покупал дочерям в городе подарки, а недавно привез Надюше большую куклу с закрывающимися глазами. Девочка не выпускала куклу из рук и даже спала теперь с ней.

С того разговора прошло два дня. Леонид вечером вернулся в машинный двор, чтобы поставить свой «ПАЗ». Он очень устал за день и хотел спать, да еще и пыли наглотался, поэтому в горле чесалось, голова побаливала, и появилась какая-то рассеянность. Он размышлял, пойти ли ему сразу к себе в общежитие, или все же зайти к Марии, хотя собеседник из него сегодня

был бы никудышней, но он точно знал, что Мария не прогонит.

— Эй, Лень, можешь мне помочь? Сам я этот ящик не сниму.

Володя разгружал машину, снимал в кузова ящики с запчастями, которые ему выдали в областном центре.

— Конечно, — согласился Леонид и забрался в кузов.

— Так, бери с той стороны, а я с этой. И, взяли, — мужчины подтащили ящик к краю кузова, и Леонид спустился вниз, тем временем Володя медленно толкал ящик за край кузова, чтобы мужчина смог его взять под днищем.

— Как тебе живется у нас? — непринужденно спросил Володя.

— Хорошо, — ответил Леонид, — даже подумываю остаться у вас.

Он опять забрался на кузов, чтобы помочь снять еще один ящик. Но Володя неожиданно остановился и зло взглянул на него.

— Уж не жениться ли ты тут удумал?

— А если и так, тебе-то что? — неосознанно подхватил его интонации Леонид.

— А то, что ехал бы ты отсюда обратно. Нечего к нашим девкам лезть, им и без таких, как ты, парней хватает.

— Это к кому же я лезу?

— Сам знаешь к кому, не строй из себя дурака.

— А если и к ней, что нельзя? Вижу, какие у вас тут парни. Что-то она из вас так никого и не выбрала.

Желваки заиграли на покрасневшем лице Володи.

— Гад заезжий, — рыкнул Володя и замахнулся кулаком на Леонида. Тот отклонился и сам ударил кулаком Володю в солнечное сплетение. Володя согнулся, захлебываясь воздухом.

— Не тебе решать, как нам жить, — бросил Леонид. — Мария — баба умная, сама выберет.

Он повернулся спиной к Володе, решив уйти, но Володя как был согнутым, так и бросился к нему, нанося плечом удар в спину. Закричав, Леонид не удержал равновесие и перевалился за борт кузова, упав спиной на сеялку, стоящую рядом, а потом скатился с нее, рухнув на землю. Боль от удара была такой сильной, что, казалось, разорвались легкие внутри. Леонид пытался удержаться в сознании несколько секунд, а потом организм, не выдержав боли, отключился.

Володя перегнулся через борт, с ужасом глядя на неподвижного мужчину. Он внимательно осмотрел двор, чтобы убедиться, что их никто не видел, потом медленно спустился с кузова и пошел в гараж.

Минут пять спустя он услышал крик одного из шоферов.

— Помогите, человек умирает!

На его крик стали сбегаться люди, вышел из гаража и Володя.

— Что случилось? Проверь пульс! Его надо везти в больницу.

Леонида обступили его коллеги, осторожно тормоша, поднимая, перекладывая на носилки.

— Что происходит? — спросил Володя у одного из парней.

— Видимо, упал с сеялки. Только несчастных случаев на производстве нам и не хватало.

— Как думаешь, он выживет?

— Никто не знает, но, похоже, парень ударился головой.

— Бывает, — отстраненно заметил Володя.

* * *

Мария, не чуя земли под ногами, бежала в больницу. К ней заехал Митя и боялся сообщить новость о несчастном случае, а потом вызвался подвезти. Мария открыла калитку во двор одноэтажного беленого известкой здания. О том, что Леонид не успел достроить новую поликлинику, так не хотелось думать.

Старый врач, Петр Иванович, увидев взволнованную женщину, разрешил ей зайти в палату. Леонид спал, ему сделали укол обезболивающего. У Леонида была перебинтована голова и ребра, а на руках, ногах и под глазами были синяки.

— Он себе что-то поломал? — шепотом спросила Мария врача.

— Ему повезло, что кости у него крепкие. А вот голову разбил. Но к счастью, рассек только кожу, кость не пострадала. Хотя, не исключено сотрясение мозга. Маша, он проспит еще несколько часов, шла бы ты лучше домой. Сейчас ты ничем ему не поможешь.

— Но мне можно ненадолго остаться?

— Оставайся, сколько хочешь, — ответил врач, и женщина, поставив рядом с кроватью стул, села на него ждать.

Как и обещал Петр Иванович, Леонид проспал три часа. Но когда он проснулся, сразу стало понятно, что у него сотрясение. Его тошнило, голова раскалывалась, а губы посинели.

— Маша, не смотри на меня, — слабо попросил он. Он никогда раньше не чувствовал себя

таким беспомощным. Мысль, что Мария видит его таким, стучала в разбитой голове.

— Вот еще, герой, — возразила женщина. — Ты лежи и не дергайся, а я тут посижу. Петр Иванович, а что ему есть можно? Я приготовлю.

В больнице на тот момент не было столовой, поэтому еду пациентам носили их родственники.

— Его сейчас точно будет мутить от всего сладкого и жирного.

— А уху можно? С нашей рыбки?

— Думаю, можно. Только не слишком наваристую.

— Лень, ты тут будь, а я пойду, приготовлю.

Сказала это Мария, хотя и понимала, что в таком состоянии он вряд ли куда-нибудь уйдет.

Дома у нее было полведра свежей, пойманной сегодня утром рыбы. Там были и колючие скользкие ерши, блестящие гладкие чебаки, полосатые зеленые окуни с красными плавниками и хвостами.

— Мам, как там дядя Леня? — спросила Галя. Она осталась присматривать за Надюшей, пока мать уходила из дома. Надя пока еще не понимала, что происходит, но чувствовала волнение матери и сестры, сидела молчаливая и качала куклу.

— Пошлите во двор, только Надю одень потеплее. Надо рыбу почистить, но не хочу разводить бардак в избе.

Мария села на березовый пенек под забор, поставила перед собой небольшой столик, сбитый из нескольких досок и двух таких же пеньков, который ей сколотил Леонид для чистки рыбы. На досках кое-где была присохшая шелуха. Чебаков Мария почистила быстро, снимая с них чешую и вспарывая брюхо, удаляла внутренности, стараясь не подавить желчь, потому что ей не хотелось, чтобы уха потом горчила. Чистить окуней было гораздо сложнее. Чешуя у них была плотная, отходила плохо, разлетаясь в разные стороны, и приходилось по несколько раз проводить по одному и тому же месту ножом. Когда через час она справилась со всей рыбой, она помыла ее несколько раз, наказала Гале собрать внутренности и вынести их за двор собравшимся котам, а сама начала варить уху. После того, как рыба сварилась, женщина процедила юшку, чтобы не попадалось мелких костей, и запустила картошку и горсть пшенки. На ужин она принесла еще теплую уху в больницу. Угостила нянечку, дежурившую ночью, и покормила Леонида. Он пока мог только пить бульон, почти не мог жевать.

— Ты сама-то хоть ела? — спросил он. Леонид лежал на спине, и косить глаза на Марию ему было больно, но так хотелось ее рассмотреть.

— Ела. Лёнь, как ты так, ты хоть помнишь?

Леонид замолчал на время.

— Поскользнулся я, — ответил он.

— Ладно, мне сегодня на смену надо, но утром я приду.

— Машенька, не надо тебе перенапрягаться. Бог даст, поправлюсь. Да и Петр Иванович сказал, что ран нет, а синяки со временем рассосутся.

— И все же приду.

Ночь на смене тянулась бесконечно долго. Мария не могла находиться в каморке, ей там было душно, и она вышла пройтись. Леонид упал с сеялки. Мария осмотрела место его падения, и ее передернуло, а в груди запекло. Она верила, что он поправится, но от этого на душе легче не становилось. Уже привычно она посмотрела на номер рядом стоящей машины, большинство которых знала наизусть, ведь регулярно записывала их в книгу прибытия, и узнала номер машины Володи. Нехорошее предчувствие опять завладело ею, она едва дождалась утра, чтобы убедиться в своих подозрениях.

— Это он тебя? Да? Головой вниз.

— Маша, успокойся, вдруг кто-нибудь услышит, — пытался унять разъяренную женщину Леонид.

— Но он чуть не убил тебя, — шепотом закричала она.

— Если об этом станет известно, его посадят.

Мария прижалась лбом к холодному дверному косяку.

— Что вы не поделили?

— Я жениться решил. На тебе, — ответил Леонид.

Весь гнев у Марии мгновенно прошел. На ее лице отразилось удивление. Она села на кровать Леонида, пытая его взглядом.

— Я понимаю, что сейчас мало похожу на жениха...

— Дурак, — Мария обхватила его лицо ладонями и поцеловала в губы. — Только попробуй мне не поправиться, я не знаю тогда, что с тобой сделаю.

Леонид заулыбался, довольный таким удачным нечаянным сватовством.

Из больницы его выписали через неделю, и он сразу переехал в дом Марии, захватив из общежития свой чемодан.

— Заявление в ЗАГС подадим завтра, это же еще месяц ждать. Потом надо кольца купить, и тебе платье, а мне костюм.

Леонид, не переставая, говорил о предстоящей свадьбе, строил планы, готовился. Марию немного пугала такая его активность, а, может, она боялась еще раз пережить все то, что было с Петром. И еще ее тревожило одно незаконченное дело. Вечером, перехватив Володю после работы, она позвала его в свою каморку. Володя озирался, не предполагая, чего ожидать.

— Я знаю, что ты сделал. Леня не хочет заявлять на тебя, а вот я это сделала бы не задумываясь.

— Что ты хочешь? — побледнел Володя, отступая от разозленной женщины.

— Хочу, чтобы ты уехал отсюда. Навсегда. Чтобы мы никогда больше не видели твою гадкую морду.

— Но куда я поеду? Маш, я же здесь прожил двадцать лет.

— Куда хочешь. На БАМ. Там шоферы всегда нужны. Или еще куда-нибудь. Только как можно дальше.

Володя ушел, больше не сказав и слова.

За два дня до свадьбы Марии и Леонида, его проводили на стройку всем коллективом, называя отважным и решительным человеком, в каких нуждается страна.

Только двое не присутствовали на прощальном ужине.

Глава 5

БЫЛ КОНЕЦ восьмидесятых, перестройка, гласность. В каждом доме уже был телевизор, холодильник, даже электрочайники. По телевизору шел первый показ сериала о тяжелой участи бразильской рабыни. Все собирались у телевизоров, а потом обсуждали героев, всех опять манила чужая, не похожая на их собственную, жизнь.

Старшие дочери были уже замужем. Лида вышла за Колю, после учебы они вернулись в совхоз, и у них родилась дочь. Галя познакомилась с военным, уехала с ним сначала в Польшу, а потом в Белоруссию. У них было двое сыновей.

Сейчас было радостно в доме: Мария вышла на пенсию. По этому случаю обещали приехать дочери с мужьями и детьми. Женщина суетилась с утра. Ей так хотелось привести избу в порядок, вымыть и убрать. Она замазывала глиной щели в отвалившейся с печки штукатурке, когда в кухню вбежала Надя в легком летнем платье в мелкий голубой цветочек.

— Надь, у тебя руки чистые, подай соль.

Надя взяла с комода солонку и высыпала ее содержимое в глину. Мария смешала соль с глиной и продолжила замазывать трещину на печи.

— Мам, я сегодня пойду на танцы.

— Иди, кто же тебя держит?

— А Галька когда приедет, где остановится? — Надя уселась на стул и стала болтать ногами.

— Не катай чертей, — прикрикнула на нее Мария. — Где захочет, там и остановится. Хоть здесь, хоть у Лиды.

— Если здесь, то я могу у Зинки переночевать, — предложила девушка.

— Чего удумала? Дома будешь спать, нечего по избам слоняться.

— Я, между прочим, уже аттестат зрелости получила. Не надо мной командовать.

— Умной слишком стала. Ох, Надька, допрыгаешься ты у меня.

Мария посмотрела на свои перепачканные руки, словно размышляя, надавать непослушной дочери оплеух, или не стоит, потому что потом слез не оберешься. Платье-то на Наде было новое, первый раз надетое.

— А что ты меня держишь? Вот Лидка и Галька уехали. Я тоже хочу мир посмотреть.

— Что-то ты мир решила смотреть в соседнем областном центре. Поближе к своему Сашке.

Надя, решившая сбежать после восьмого класса в ПТУ, беспокоила Марию. Не нравился ей ее парень.

— Часто в рюмку смотрит, — предупреждала она дочь, но та не слушала.

— С чего-то надо начинать, — не уступала дочь.

— Вот вы все и разъехались. Тех двух не вижу годами, и ты туда же.

— А что мне делать в деревне? Она теперь неперспективная.

Надя ушла с подружками на танцы, а Мария вышла во двор. Последнее время ей стало казаться, что поясница устает сильнее, ломит и тянет. Женщина склонилось над емкостью с дождевой водой, зачерпнула пригоршню и ополоснула руки.

Посреди заросшего ромашкой двора, на низенькой скамейке сидела девочка, дочь Лиды. Леся следила за гуляющими по двору цыплятами.

— А почему у одних головы гладкие, а другие с хохолками?

— Те, что с хохолками, городские в шапочках, а те, что с гладкими, деревенские в платочках, — рассказала Мария.

Девочка сняла шляпку и поправила бантик на русой косичке. В кого внучка уродилась такой светлой, никто не знал. Но так, как лицом она была похожа на отца, видимо, в ней проявились белорусские черты. В отличие от Марии, она почти не загорала, кожа всегда была матового оттенка, но с годами девочка все больше походила на Лиду и Марию. А еще она носила косы. Коса была длинной и толстой, и Мария, заплетая свои уже тонкие и седые косички, радовалась, что внучка не стрижется. Ее дочери отрезали волосы, как только уехали, и сейчас носили короткие модные стрижки, да и Надька остриглась до плеч, но Марии всегда казалось, что нет ничего красивее длинной косы.

— Ба, тебе помочь? — спросила девочка.

— Вот и не знаю. Ну хочешь, вытри пыль.

В гостиной было светло и уютно. На столе в огромном горшке рос раскидистый толстолапый столетник. Рядом с фотографиями детей и внучков в серванте хранилось несколько книг. Когда Леся водила тряпкой по выцветшей потрескавшейся от времени полировке, она нашла спрятанное между книгами удостоверение к медали.

— Что это, баб Маша? «За освоение целинных земель», — прочитала она. — К медали? У тебя есть медаль?

— Не заслужила я медалей, — возразила женщина.

— Но она на твое имя. Покажи!

Поддавшись уговорам любопытной девочки, Мария открыла сундук и достала оттуда узелок, в котором хранилась ее медаль. Много лет она берегла ее, не считая, что получила ее заслуженно. Ей никогда не казалось, что она делает что-то важное: просто жила, как могла. Женщина дала ее внучке.

— Когда тебя наградили?

— На двадцатипятилетние с начала освоения, — вспоминала Мария.

— А много вас было?

— Много. Это было в пятьдесят четвертом году. Сюда ехали со всех союзных республик. Ехали целыми поездами. Все молодые и решительные. Кто-то хотел свободы от родительской опеки, кто-то считал, что только на целине можно сделать что-то действительно важное для страны. Вслед за людьми шли поезда с техникой, лесом, товарами.

— Не страшно было?

— Тогда об этом не думали, — честно призналась Мария. — Даже когда оказались на голом месте, поросшей ковылем степи, знали, что будет трудно, но верили, что выиграем этот бой. Распашем, построим, обживем.

— Значит, ты ее заслужила, — не согласилась внучка. — Мы все живем здесь благодаря вам.

Мария не поняла, что внучка имеет в виду, только вновь спрятала медаль в сундук.

* * *

В клубе играла музыка из закрепленных в углах сцены динамиков. Надя и Рита сидели на стульях, расставленных у стен.

— Значит, решила не идти в девятый класс? — спросила Рита подругу.

— Нет. Через неделю поеду документы подавать.

— На швею?

— Лидка же работала на «Большевичке», вот и я вполне смогу, — рассказывала о планах Надя, между делом посматривая на двери. Она ждала Сашу. Познакомились они на речке месяц назад. Летом молодежь и детей было не отогнать от воды. Саша был неместным. Он приехал из соседней области, из города Троицк, с сестрой Юлей к родственникам. Сам он учился на слесаря, а его сестра закончила первый курс Педагогического.

— Надь, — толкнула локтем ее Рита, — смотри. Пришли.

Городские сразу привлекали внимание своей непохожестью на других. На Саше были штаны-клеши и ботинки на платформе, на Юле ярко розовые брюки и широкая футболка, ворот которой оголял плечо. Парни тут же обступили Юлю, предлагая ей потанцевать, а девушки сидели и стояли неподвижно, ожидая, к кому же направится Саша. Тот нашел взглядом Надю и устремился к ней.

— Вечер добрый, девушки. А почему вы не танцуете?

— Ой, и правда, — спохватилась Рита. Она шустро встала и почти бегом удалилась.

Саша хмыкнул и уселся на ее стул.

— Как ты, Надюша? Что-то грустная. Мать не пускает?

— Отпустит, а нет, сама уеду. Только, Саша, кому я там нужна?

— Мне нужна. Вот увидишь, тебе понравится Троицк. Точно нечета вашему совхозу. Там и рейсовые автобусы даже есть.

— Это ж зачем? — удивилась Надя.

— Эх, ты, не знаешь? Это же город. Его, как ваше село, за пятнадцать минут из конца в конец не пройдешь, — но, видя, что Надя смутилась, уличенная в неосведомленности, мягче добавил: — ничего, вот поживешь, тогда все поймешь.

— Саш, — девушка в порыве взяла его за руку, — я очень хочу поехать. А мать меня не пускает, потому что просто не знает, какой ты хороший человек. Подумаешь, видела тебя пару раз с компанией ребят, так отчего бы летом в каникулы немного не погулять? А она напридумывала черте что. Ты приходи к нам в гости. У нас как раз вся семья собирается. Вот со всеми и познакомишься. Если ты конечно серьезно...

— Я приду, — ответил молодой человек, слишком ровно.

Видимо, он, действительно, настроен серьезно, раз так спокоен, решила девушка.

— Что это мы с тобой сидим, как старушки на завалинке? Пойдем танцевать! — предложил Саша и за руку вытащил смеющуюся Надю на танцпол.

* * *

В доме пахло пирогами с мясом и яблоками. Вся большая семья усаживалась за общим столом. Мария и дочери накрывали стол, расставляя приготовленные угощения.

— Мам, а эти пирожки с чем? — спросила Лида, поднимая салфетку с тарелки, где рядами устроились золотистые пирожки.

— С капустой, яйцами и луком, а эти три с пасленом.

— Убери их, а то еще кто-нибудь отравится.

— Тю, всю жизнь ели, не травились, — удивилась Мария.

— Мы не знали тогда.

— Вот и теперь знать не надо, — она забрала пирожки и отложила их в сторону.

Составленные два стола накрыли общей скатертью с кистями. Посередине поставили два противня с пирогами. От пирогов поднимался ароматный пар.

— Санька, Леська, Димка, марш за стол, — позвал детей Леонид. Дети отпустили кота, которого до этого гладили, и тот припустил под кровать, и уже оттуда наблюдал за собравшимися людьми.

— Ну, баб Маша, будете скучать по машдвору? — спросил Николай.

После рождения внуков, все стали звать Марию бабушкой, а она только радовалась этому.

— Столько лет проработала там... — уклончиво ответила женщина, не желая показывать, как ей не хотелось уходить. С одной стороны, ей уже хотелось покоя и более размеренного образа жизни, но с другой — она все еще ощущала в себе силы, а уходом на пенсию она словно призналась сама себе, что постарела.

— Зато я рад, — улыбнулся Леонид. — Машенька у меня такая красавица.

— А ты дед не зевай, а то живо уведут, — засмеялся Иван, зять Марии.

— Всю жизнь начеку, того гляди, поседею раньше времени. Но теперь я тоже буду отдыхать.

Он любовно обнял свою жену.

— Ешьте уже, — сказала женщина, отвлекая внимание от себя.

После того, как пироги были съедены, а рюмки опустошались ни раз и ни два, Иван и Николай пошли покурить.

— Сашка, идем с нами, — позвали они с собой друга Нади. — А-то бабский треп слушать надоело, — добавил Иван тише, чтобы не слышала Галя.

— Ты сам-то где сейчас? — спросил Николай, затягиваясь папиросой.

— В Гродненской области обосновались. Там сейчас новый район для военных начали строить, лет через пять получим квартиру со всеми удобствами, — рассказывал Иван. Он видел, что разговоры о Белоруссии особенно нравятся Николаю, но в то же время, на его лице отражается едва заметная тоска. — Эй, Санька, ты чего? — Иван бросил окурок и резко подхватил пошатнувшегося парня.

— Со мной все в порядке, — пьяно ворочая языком, ответил Саша. — И не надо меня держать.

— А, по-моему, это необходимо.

— Ты как так набрался? — спросил Николай. — Отказаться неудобно было, что ли.

— У нас ведь силой не заливают, всегда пропустить можно. Ты же вроде как на смотрины пришел.

— А чего она?.. Чем я плох?.. — бормотал Саша. — Я ведь люблю Надюшку.

— Да не ты плох! Мария пьяных терпеть не может: ее первый муж был алкоголиком. Ждите тут, я Надю позову.

И задуматься бы Наде тогда над словами матери, когда увидела опирающегося на забор Сашу, но она и сейчас нашла ему оправдание, потому что отчаянно хотела верить.

— А где Надя и Саша? — спросила Мария у вернувшихся зятьев.

— Ушли погулять, — помня о просьбе Нади не рассказывать правду, ответил Николай.

— Зачем им с нами сидеть, — поддержал его Иван. — Пусть дышат воздухом.

Мария заметила скользившее по лицам мужчин напряжение, но решила, что ей показалось, только что-то ей было неспокойно на душе.

Глава 6

ДЕНЬ СВАДЬБЫ Мария помнила, словно он был вчера, хотя уже прошло двадцать лет. У нее было красивое светлое длинное платье и букет, повязанный лентой. Леонид был в черном костюме и галстуке. Они шли под руку из ЗАГСа, рядом шли приглашенные. Сначала, по традиции, они возложили цветы к обелиску памяти погибших на войне, а потом пошли в столовую. Парни играли на гармошках, девушки пели. Дочери танцевали. А Мария была просто счастлива. Она постоянно смотрела на золотое обручальное кольцо на своем пальце, и повторяла про себя, что любит своего мужа. Подумать только, они уже разменяли седьмой десяток лет.

Август девяносто первого года был жарким. Все говорили о том, что в стране что-то происходит, что в Москве кто-то устроил переворот. Сюда долетали лишь отголоски, сведения из новостей, а потом перестал показывать даже телевизор. В магазинах, хлебном и продуктовом, что-то обсуждали. Знакомая, работавшая в местной парикмахерской, сказала настроить радио. Радио у Марии было только местное. Вечером дома они достали старый транзистор, сбоку на нем была ручка. Леонид поворачивал ее то влево, то вправо, но слышны были только помехи. Ученые астрономы утверждают, что в них можно услышать шум от Большого взрыва, случившегося тринадцать миллиардов лет назад и зародившей нашу вселенную, но в тот день они слышали шум от зарождения новой страны. Белорусская и Казахская советские республики перестали существовать. Марию и ее дочерей разделили границы.

Ситуация не менялась полгода, а потом начался кризис. Один за другим стали закрываться магазины. Потом закрыли ателье, парикмахерскую и кулинарию. Хлеб теперь продавали в одном из выживших продуктовых, полки которого опустели. В школе начались проблемы с электроэнергией и отоплением. В марте ученики сидели на уроках в пальто и куртках. Так как на улице был еще снег, о сменной обуви все забыли и просто не снимали валенки. Чтобы не мерзли руки, постоянно делали гимнастику для пальцев, что-то вроде: «Мы писали, мы писали, наши пальчики устали...». Тогда многие узнали, что паста в шариковой ручке может застывать от холода. К лету девяноста второго ситуация не улучшилась. В единственном магазине были всегда очереди. У Марии появилась продуктовая книжка, живо ей напомнившая далекие сороковые. Она была величиной с половину школьной тетрадки, и на ее страницах было две половинки. Обычно там были записи наподобие: «2 кг сахара песок», или «носки муж. одна пара». Ввели новые деньги «Тенге» и «Тиын». Меняли их по курсу один к двум. Тогда и появились на главной улице перед зданием закрытого магазина машины, на капоте которых лежали товары, обозначив приход рыночной экономики и в это село.

Первый кирпич был выбит из стены пустующей сельской столовой в девяноста третьем. До него одуревшие от свободы люди вынесли все, что было внутри: срывали полы, перила с лестниц, шифер.

— Что вы делаете? Люди, опомнитесь! — кричала Марфа и била костылем по дороге.

Ее никто не слушал. С каким-то остервенением каждый решил отстроиться за счет того, что раньше им не принадлежало. Они словно не понимали, что рушат то, что было уже сделано для них же, превращая место, где они растят детей, в развалины. Начальную школу распустили, и здание было заброшено. Теперь в средней и старшей школе появилась вторая смена. Учились с часу, а так как зимой уже в пять темнело, шли по домам компаниями по несколько человек. Было страшно проходить мимо пустующих полуразрушенных зданий, в окнах которых не было даже рам. В поселке стали появляться до этого не виданные никем субъекты. Этнический состав резко поменялся, казахов и русских, живших здесь почти пятьдесят лет, разбавили другие национальности. Что могли строить или ремонтировать они в разрушенном и разворованном поселке, было неизвестно. Сразу же пошли слухи, что это бывшие уголовники и от них не нужно ждать ничего хорошего.

Мария ходила по поселку и не узнавала его. Она еще помнила пустырь, который был на месте клуба, помнила, как закладывали фундамент, как ходили в клуб на концерты всей семьей, как отмечали всем селом праздники. А те-

перь этот клуб опять разносили по кирпичику, срывали мозаику со стен, вынесли кресла и даже полотно с экрана кинозала.

Теперь здание бывшего ателье выкупил частный предприниматель и открыл там магазин. Пекарню в поселке закрыли, здание разобрали, а хлеб теперь возили из райцентра. Он был немного кисловатым и не нравился ни Леониду, ни Марии. Посмотрев на ценник — двадцать тенге — женщина отошла от лотка с хлебом, решив, что спечет пару буханок сама. В магазине всегда было много подростков, покупающих жвачку, конфеты, газированную воду разных цветов с противным химическим запахом. Быстро купив соль и спички, Мария вышла в прихожую и наткнулась на странную картину. Три казахских парня прижали к стене русского, в котором женщина узнала сына соседа.

— Эй, вы зачем к нему пристаете? — спросила она.

Парни повернулись к ней, а потом один, видимо, главарь подошел ближе.

— А ты, бабка, не лезь. Валили бы вы отсюда. Вас сюда не звали. Это наша страна.

— Күшік[1]! — хрипло произнес Мират и с размаху огрел парня так, что тот отлетел к стенке и уронил шапку. Когда Мират зашел в магазин за потасовкой никто не заметил. — Твоя страна, говоришь? Может, это ты ее построил? Вот я приду к твоему ага и расскажу, как ты не уважаешь старших. Он тебя поучит камчой по спине.

— Не надо к деду, — взмолился парень трусливо. — Мы больше не будем.

— А ну пошли вон, — прогнал их Мират.

Парни выбежали из магазина и умчались на своих мотоциклах. Мария и Мират присели на лавочку перед входом. Мират закурил.

— Этот щенок в школе по казахскому языку едва на тройку натянул. Дед чуть со стыда не сгорел на собрании... Как твое здоровье, Маша? Совсем редко теперь видимся.

— Старые мы с тобой уже стали. Особо не погуляешь.

— А внуки твои как? Слышал, Лида уехала в Россию.

— Внучке уже четырнадцать, ей школа нужна хорошая, а у нас даже электричество не всегда есть.

Электроэнергию в селе отключали каждый день. У всех появились керосиновые лампы, которыми не пользовались уже лет пятьдесят даже в маленьких поселках.

— Что делается?.. Что делается?.. — повторял Мират.

Вечером Мария смотрела телевизор, когда почувствовала резкую боль в спине, а потом в низу живота. Ее скрутило так, что она едва нашла силы крикнуть мужу, укладывавшему в соседней комнате в мешочки сушеные листья табака, который он выращивал сам на огороде.

— Маш, ты, что? Маш? — испугался он. — Я позвоню Наде, — он взял трубку и покрутил наборный диск: четыре, три, шесть. — Надя, маме плохо.

Обследование показало, что в обеих почках у Марии камни. Коралловые, не дробящиеся.

— Люди кораллы добывают, а они у меня сами выросли, — шутила Мария.

Но после возвращения из больницы, ее поджидала еще одна новость: у Петра признали рак, метастазы оплели все внутренности, он постоянно был на наркотиках и медленно умирал дома. Его вторая жена тем временем продавала их бывший дом, отписанный ей по завещанию. Надя рассказывала об отце, которого почти не знала, просто перечисляя факты, казалось, ни одна эмоция не отразилась на ее спокойном лице.

— Водка сгубила, и твоего бывшего скоро погубит, — сказала Мария. Надя с двумя детьми ушла от мужа несколько лет назад, повторяя судьбу матери. Сейчас она жила в доме покойной Марфы. Ее сыновья сейчас заканчивали школу.

— Ему ведь никто насильно не заливал, значит, судьба у него такая.

* * *

В сентябре, немного оправившись после болезни, Мария решила навестить старшую дочь Лиду. Семья ее дочери переехала за речку, теперь в другую страну. Мария с Санькой, Надиным сыном, приехала в гости к Лиде на машине.

В России хутора казаков, теперь переросшие в поселки, населяли чебуки, как их называли кенаральцы. Почему их именовали так, — может из-за побегов винограда, которые казаки привозили с собой, возвращаясь из далеких походов, а может по фамилии царского посла Третьяка Чебукова, направленного в Казахскую орду, — никто точно не знал, но всегда говорили: «А, это чебуки», и понимающе кивали.

Дом Лиды и Николая был кирпичный, с высокими потолками и светлыми комнатами. Мария ходила и удивлялась его благоустройству. В кухне была раковина с холодной и горячей

[1] Щенок *(пер. с каз. яз.)*

водой, в ванной — душ, ванна, стиральная машина. Стены облицованы кафельной плиткой, пол покрыт линолеумом и паркетом.

Они сидели на мягком диване и пили чай, Лида кормила их пловом, салатом, угощала конфетами.

— Переехала бы к нам, — говорила Лида. — Тут и больница, и почта, и банк. А в твоей разрушенной деревне даже света нет. И больница ближайшая в ста километрах.

— Я уж лучше дома, привыкла я там.

— Ну, как знаешь.

— Лид, — Мария сменила тему, — а Леся как там?

У Лиды дочь поступила в институт в Москву. После сдачи вступительных экзаменов, уехала на учебу.

–Хорошо. Она хотела, она сделала.

— Далёко так от дома. И не боится.

— Они сейчас не такие, какими мы были раньше. Сильные, решительные, умные. Мне кажется, они ничего не бояться. Хотят все лучшее. Если образование, то высшее, если работу, то интересную, если жениться, то по любви. И каждый хочет заявить о себе. Мы боялись, что нас ославят, а они хотят прославиться.

— А что эта слава?

— Естественное желание нового поколения. Поколение, которое вырастили мы.

Мария смотрела фотографии внучки в Интернете, забрала с собой несколько распечатанных снимков, а дома поставила их в сервант. Она пробежалась глазами по фотографиям от старых черно-белых, где были изображены ее маленькие дочери, до новых, цветных, с яркими изображениями уже взрослых внуков.

— Как съездила, мам? — спросила ее Надя с порога, ставя на стол сумки с продуктами.

— Хорошо съездила, — кивнула Мария.

— Уехать не надумала?

— С чего бы это? — удивилась Мария. — Мне и дома хорошо.

Только въехав в поселок, она опять почувствовала себя дома.

— Мам, я тут тебе продуктов привезла, — рассказывала Надя, попутно выкладывая из сумки пластиковые упаковки с виноградом, бананами, помидорами и огурцами. Мясо хранилось на пенопластовой подложке, обернутое пленкой. — А пенсию твою Санька принесет.

Мария заколола волосы невидимками и села за стол.

— Нам нужно ехать, — сказала Надя. — Санька сегодня машину в ремонт отдает. И не забудьте закрыть дверь на крючок, а то эти головорезы и к вам влезут.

В поселке уже было три ограбления. В дома, где жили одинокие старики, вламывались посреди ночи, срывая крючки и хилые засовы, забирали деньги. Кричать и звать на помощь было бесполезно, потому что в соседних пустующих домах никого не было.

Вечером заехал внук и отдал Марии пенсию, задержавшись в дверях спальни, пока Мария открывала сундук.

— Ладно, ба, мне пора.

— Иди, только аккуратней за рулем.

— Ладно, — ответил он нехотя.

По телевизору шел очередной сериал, Леонид кашлял в кухне. Он был тихим, редко смеялся, дольше думал. Травма, полученная в молодости, когда он упал с машины и попал под сеялку, давала о себе знать. К старости, как и бывает, все болезни обострились. Он курил табак, делал самокрутки, заворачивая мятые листья в папиросную бумагу. А за обедом ел постный суп.

Мария поднялась с постели и, придерживая себя за поясницу, встала перед сундуком на колени. Она сняла с шеи цепочку с ключом, открыла замок, достала узел «на смерть», и положила туда две тысячи тенге. Так она делала последние пять лет с каждой пенсии, и сумма накопилась почти сто двадцать тысяч.

«Хватит на смерть и мне, и Лёне», — думала она. Успокоившаяся, она вернулась в постель, выпила еще одну таблетку, а ночью у нее случился почечный приступ. Ее увезли в областную больницу на скорой, но не помогли ни операция, ни чистка крови. Отказавшие почки медленно ее убивали. И, спустя две недели, не приходя в сознание, Мария скончалась.

* * *

Когда в комнату ворвались трое, Леонид не сразу понял, кто это. Он щурился, глядя на гостей, сидя на табуретке перед печкой, в которую курил.

— Эй, дед! — сказал один из парней. — Где деньги? Я же знаю, вы старички зажимистые.

Леонид без очков не мог разглядеть их лица, которые расплывались. Он подумал, что это пришли внуки Марии, и показал рукой на зал. Парни обогнули растерянно стоящего Леонида и пошли в комнату.

— Да, похоже, у него уже маразм. Проверь под матрасом и в шкафу. Куда эти совковые деньги прятали.

— Не надо. Знаю где.

Один из парней взял гвоздодер и, вставив его под крышку сундука, сломал хлипкий замок.

— А вот и денежки.

Парни распотрошили «смертный» узел, часть денег рассовали по карманам, остальные унесли вместе с узлом. Хватали все, что им казалось ценным.

— А ты, дед, отдохни!

Парень толкнул Леонида в плечо и, не устояв на слабых ногах, тот завалился на печь, ударившись об ее край головой.

Парни выбежали на дорогу, и один из них остановился, пытаясь в свете луны рассмотреть добычу.

— Что там у тебя? — оживились другие. — Медаль? Золотая?

— Нет, — поморщился он. — Безделушка.

И бросил медаль в пыль около дороги.

* * *

Аня, племянница Марии, нашла Леонида лежащим на полу кухни без сознания и с разбитой головой.

— Дед? Дед, вы меня слышите?

Испугавшись, девушка выбежала из дома и позвала мужа, а тот уже вызвал скорую помощь и милицию.

Следователь составил рапорт, снял показания свидетелей.

— Он будет у вас до завтра? — уточнила фельдшер, забинтовывая голову Леониду. — Что-то пропало?

Аня не знала, что могло пропасть, все выглядело вроде бы на своих местах.

Она увела Леонида к себе, а назавтра пришло известие о смерти Марии.

— Лид, ты когда приедешь? — созвонилась Надя с сестрой.

— Буду через час. А ты пока достань ее смертный узелок из сундука.

Надя нажала отбой и, взглянув на молчаливого Леонида, который уже несколько часов смотрел в одну точку, пошла в спальню. Ее удивило, что сундук не был закрыт на ключ. Около замка были свежие трещины и щепки. Она подняла крышку и стала по одной доставать измятые вещи. Разложив их на кровати, она разгладила ладонями платок, осмотревшись в поисках утюга.

За этим занятием ее и застали приехавшие Лида и Николай.

— Надо машину нанять. Где деньги?

— Какие деньги? — не поняла та.

— Смертные. Которые мама накопила.

— А где они должны были быть?

— В сундуке. В узле.

Обе женщины бросились к сундуку и опять перетрясли все его содержимое сверху донизу. Никаких денег не было.

— Замок взломали, — после осмотра сказал Николай.

— Дед, ты меня слышишь? — нагнулась к Леониду Лида. Он свел глаза на ее лице. — Когда к тебе вломились, что-нибудь взяли? Ты видел, как брали деньги?

— Не видел. А когда Маша приедет? Я печку натоплю.

— Дед, — Лида села на стул рядом и взялась за морщинистую холодную руку Леонида. Из соседней комнаты донесся громкий плач Нади.

Вечером прилетела Галя. Три сестры, как и много лет назад, сидели за одним столом. Они молча пили чай, думая каждая о своем. За эти годы они изменились, создали свои семьи, вырастили детей. Это все было благодаря женщине, которая дала им жизнь, и которую сейчас было не на что похоронить, так, чтоб не хуже других.

— У меня есть тридцать тысяч тенге. Откладывала на дрова на следующий год, но теперь уже не до этого, — сказала Надя.

— Я с собой взяла четыре. Подожди. Коль, у тебя сколько наличных?

— Тысяча вроде. Может, больше.

Николай достал из бумажника купюры и отдал жене.

— У меня только белорусские. Но ты сказала, что здесь можно поменять, — Галя тоже достала кошелек.

— Завтра Санька съездит в Федоровку и поменяет.

Женщины раздвинули кружки к краям стола и на центр его выложили деньги. Бирюзовые российские рубли, тенге с портретами казахских деятелей культуры и науки, белорусские с изображением Минска.

— Не хуже других, — повторила Лида.

На следующий день было все сделано. Марию привезли на машине, помыли, одели и уложили в гроб, положили на лоб венчик, а тело накрыли саваном.

Рутинная работа хоть как-то помогала отвлечься и не думать каждую секунду, какой именно повод заставил их собраться вместе. Вытирая со щек сами по себе бегущие слезы, Надя готовила обед. Лида и Николай ходили в

магазин и по домам знакомых, приглашая их на похороны, просили передать тем, к кому они сегодня не успеют зайти.

— Надь, а твои чем занимаются сейчас, — спросила Лида у сестры о сыновьях.

— Автосервис открыли и иномарки перепродают, — ответила Надя.

— А деньги у него откуда? — Лида посмотрела на табуретку, где стояла поминальная свеча, вода и хлеб, и лежали два мобильных телефона, иногда громко звонившие веселой попсовой мелодией.

— Так работают же они, — объяснила Надя.

— Ясно. Телефоны уберите с табуретки, не на танцы пришли.

Санька скривился, словно ему мучительно лень подниматься и тянуться за ними, но телефоны все же переложил на комод и отключил звук.

Галя делала перевязку Леониду. Он, как ребенок, крутил головой, не мог посидеть спокойно.

— Когда же Маша приедет? — спрашивал он. — Она в обморок не упадет, увидев меня замотанным?

Галя не могла сказать, что Мария уже давно дома, что вон та молчаливая и не дышащая женщина и есть его жена.

Леонид продолжал о ней спрашивать. А потом зашел в зал, сел перед гробом на табуретку, долго и внимательно смотрел на ее спокойное лицо, и словно что-то осознав, разразился громким плачем.

Машина с гробом в кузове медленно ехала по кладбищенской дороге. На заброшенном машинном дворе догнивал последний комбайн. По обочинам дороги выстроились в ряд машины тех, кто знал и помнил Марию. Гулом они провожали ее в последний путь.

После того как засыпали гроб свежей рыхлой землей, люди стали медленно тянуться к выходу из кладбища.

— Надо к отцу сходить на могилу, когда еще попаду, — сказала Лида мужу.

Она направилась вглубь кладбища, когда одна из старух схватила ее за руку.

— Не ходи! Они уже встретились.

Перекрестившись, Лида вернулась.

Мебели в доме уже не было. Надя вывезла все и забрала Леонида жить к себе. Оставшиеся вещи, фотографии и одежду Лида и Николай уложили на большой платок и завязали его узлом. Узел стоял посреди пустой комнаты, в нем хранились немногочисленные подтверждения того, что Мария жила. Забрав узел с собой, они уехали, оставив дверь в опустевший дом незапертой.